

Wm. J. Groves

Новейшая российская история: исследования и документы

**Modern Russian History Program
University of Notre Dame**

**Modern and Contemporary Russian History:
Monographs and Documents**

Vol 9

Forschungen und Dokumente zur neuesten Geschichte Russlands

Bd. 9

P.V. Vologodskii

**In Power and in Exile:
The Diary of a Prime-Minister of anti-Bolshevik Governments
and of an Émigré in China (1918 – 1925)**

Riazan

2006

**Программа по изучению новой и новейшей русской истории
Нотр-Дамский университет (США)**

Новейшая российская история: исследования и документы

Том 9

П.В. Вологодский

**Во власти и в изгнании:
Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств
и эмигранта в Китае (1918 – 1925 гг.)**

Рязань

2006

**Modern and Contemporary Russian History:
Monographs and Documents**

Forschungen und Dokumente zur neuesten Geschichte Russlands

Editors

S. Lyandres, University of Notre Dame (USA)

P. Tribunskii, Fine Arts Lyceum, Riazan' (Russia)

D. Wulff, German Academic Exchange Service (DAAD) / Voronezh State University (Germany / Russia)

Editorial board

B.V. Anan'ich, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (Russia)

T. Emmons, Stanford University (USA)

G.M. Hamburg, Claremont McKenna College (USA)

M.D. Karpachev, Voronezh State University (Russia)

S. Merl, Universität Bielefeld (Germany)

S.I. Mikhal'chenko, Briansk State University (Russia)

Iu.A. Petrov, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

A.B. Sokolov, Iaroslavl' State Pedagogical University (Russia)

A. Walicki, University of Notre Dame / Polish Academy of Sciences (USA / Poland)

Новейшая российская история: исследования и документы

Редакторы серии:

Д. Вульф, Немецкая служба академических обменов / Воронежский государственный университет (Германия / Россия)

С.М. Ляндрес, Нотр-Дамский университет (США)

П.А. Трибунский, Лицей искусств, Рязань (Россия)

Редакционный совет серии:

Б.В. Ананьич, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Россия)

А. Валицкий, Нотр-Дамский университет / Польская Академия наук (США / Польша)

М.Д. Карпачев, Воронежский государственный университет (Россия)

Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)

С.И. Михальченко, Брянский государственный университет (Россия)

Ю.А. Петров, Институт российской истории РАН, Москва (Россия)

А.Б. Соколов, Ярославский государственный педагогический университет (Россия)

Г.М. Хамбург, Колледж Клермонт Маккена (США)

Т. Эммонс, Стэнфордский университет (США)

УДК 9(с)22
ББК 63.3(2)612
В 68

The publication of this volume was made possible by the generous support from Zinaida Petrovna Popova (Vologodskaia).

П.В. Вологодский

В 68 Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшеви-
стских правительств и эмигранта в Китае (1918 - 1925 гг.) / Сост., предисл. и ком-
мент. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. — Рязань, 2006. — 619 с., ил.,
карта — (Сер. «Новейшая российская история: исследования и документы». Т. 9)

ISBN 5-94473-008-0

Первое полное издание в России дневников видного общественно-политичес-
кого деятеля первой четверти XX века Петра Васильевича Вологодского — премьер-
министра трех антибольшевиетских правительств (в том числе Временного
Российского правительства адмирала А.В.Колчака), с предисловием и коммен-
тариями зарубежных и отечественных специалистов в области социально-поли-
тической истории России.

Издание предназначено для исследователей и всех интересующихся истори-
ей России.

На вклейке воспроизведена карта из настольного дневника-календаря на 1918
год (фирма «Отто Кирхнер», Петроград).

*Охраняется законом РФ об авторском праве и смежных правах. Воспроизведе-
ние всей книги или ее любой части (в том числе в электронном виде) без письменного
разрешения издателя и редакторов серии запрещается. Попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

ISBN 5-94473-008-0

- © Д. Вульф, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», предисловие, составление, комментарии, 2006
- © С.М. Ляндрес, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», предисловие, составление, комментарии, 2006
- © П.А. Трибунский, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2006
- © Н.С.Ларьков, предисловие, составление, комментарии, 2006

П.В.Вологодский и его дневник

Дневник Петра Васильевича Вологодского – видного сибирского адвоката и областника, председателя Совета министров Омского правительства – далеко превосходит все другие современные источники этого жанра не только своим хронологическим охватом, регулярностью и подробностью записей, но и разнообразием сообщаемой информации, глубиной погружения автора в происходившие события и количеством упоминаемых персонажей. Вологодский начал свой дневник в Омске 6 июня 1918 г., незадолго до того, как возглавил Временное Сибирское правительство*, и вел его в течение всего периода своего пребывания в антибольшевистских государственных образованиях, включая Директорию и Временное Российское правительство адмирала А.В.Колчака. Вологодский продолжал делать регулярные записи и после своего ухода с политической сцены, падения Колчака, своего бегства в Китай в январе 1920 г., а также на протяжении всех последующих пяти лет изгнания. Последнюю запись Петр Васильевич сделал в Харбине 7 августа 1925 г., за два с небольшим месяца до своей кончины.

Гражданская война в России породила мощную волну эмиграции, вынудив миллионы людей покинуть Родину, разбросав их по различным уголкам планеты. Эта огромная, распыленная и оторванная от России эмигрантская масса произвела на свет большое количество документов личного происхождения: воспоминаний, автобиографий, писем и дневников.¹ По сравнению с мемуарами, содержащими в основном более позднюю «интерпретацию исторических событий»,² дневники, подобные тому, что вел Вологодский, хотя их гораздо меньше, представляют для историков большую ценность, так как современны описываемым в них событиям. Дневник, по справедливому замечанию Т.Эммонса, является «синхронным документом» и, таким образом, «непосредственным историческим источником».³ Он отражает авторскую точку зрения, свободную от последующего возможного приукрашивания или смещения акцентов, не деформированную знаниями результатов или впоследствии собранной информацией.⁴

* Все даты до 1 февраля 1918 г., как во введении, так и в примечаниях (если это особо не оговорено), даны по юлианскому календарю (старый стиль), который отстает от григорианского календаря (новый стиль) на 12 дней в XIX веке и на 13 дней – в XX веке.

Как известно, основная масса наиболее подробных и ценных дневников периода Гражданской войны в России принадлежит участникам Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке. В большинстве своем они давно доступны и плодотворно используются историками.⁵ Однако, несмотря на очевидное значение этих дневников, их ценность отчасти снижается последующим редактированием или узостью хронологических рамок. Их авторы, как правило, имели относительно ограниченный доступ в верхние эшелоны власти и поэтому фиксировали сведения, относившиеся к сферам их собственной деятельности или касавшиеся непосредственно известных им событий.⁶

Будучи одной из центральных фигур Белой Сибири на протяжении практически всего полуторарагодичного периода ее существования, Вологодский имел самое непосредственное отношение к разработке основных направлений внутренней и внешней политики Омского правительства, был хорошо знаком с деятельностью отдельных министерств и правительства в целом. Человек образованный и наблюдательный, с многолетней, еще с юношества, привычкой излагать свои мысли на бумаге, Вологодский сообщает много интересных фактов о политической атмосфере и главных действующих лицах Белой Сибири. В дневнике отражены различные стороны деятельности Омского правительства — от повседневной работы Совета министров и усилий правительства по восстановлению отмененных большевиками судебных и административных институтов, закулисных интриг и борьбы внутриправительственных группировок до отношений с союзниками. Дневник охватывает такие кардинальные политические вопросы, как установление единой власти в Сибири и на Дальнем Востоке, когда омской власти были подчинены разбросанные по этой территории областные правительства, с дальнейшим преобразованием этой единой сибирской власти во власть всероссийскую в лице Директории и Временного Российского правительства адмирала А.В.Колчака. Не будет преувеличением утверждать, что без этого источника изучение политической истории Белой Сибири было бы неполным. Интересен дневник и историком русской политической мысли, внимание которого привлекут сибирские областники и областничество раннего послереволюционного периода. Особую ценность представляет дневник для историка «восточной», главным образом сибирской, ветви русской эмиграции. Сообщаемая Вологодским информация о наименее описанных в мемуарной и художественной литературе первых годах жизни русских беженцев в Китае, особенно в Шанхае, Тяньцзине и Пекине,⁷ о сложном процессе перехода КВЖД в совместное советско-китайское управление и начале активной дерусификации Северной Маньчжурии во многих отношениях уникальна. Никакой другой из известных нам дневников, написанных видными общественными и политическими деятелями того бурного времени, не передает такой живой картины «виденного и пережитого» автором на протяжении столь длительного непрерывного отрезка времени в условиях столь быстро и резко менявшихся личных и исторических обстоятельств.

Биография Вологодского, по его собственному признанию, была во многом типична для коренного сибирского интеллигента в первом поко-

лении. Петр Васильевич родился 30 января 1863 г. в селе Курышинском⁸ (позднее переименованном в Комаровское) Канского уезда Енисейской губернии в семье сельского священника. Согласно семейному преданию, прапрадед Петра Васильевича переехал в Сибирь из Вологды во времена правления Петра I. Первоначально он поселился в Тобольске, отдав своего 12-летнего сына под фамилией Вологодский в местное духовное училище.

Отец Петра Васильевича также учился в духовной семинарии – в Томске. Впоследствии он служил в Курышинском приходе, затем был переведен в большое и зажиточное село Краснореченское Мариинского уезда Томской губернии, основанное на месте расположения казенного винокуренного завода на берегах реки Чулым.⁹ Здесь он прослужил с 1865 г. до самой своей смерти в 1882 г. Мать Петра Васильевича, Серафима Дмитриевна (урожденная Емельянова), была дочерью кафедрального протоиерея Томского собора. Ее семья также происходила из потомственных сибирских священнослужителей.¹⁰

Родители Петра Васильевича, по его собственному признанию, «несмотря на духовное свое происхождение не были людьми особенно религиозными»,¹¹ и, вопреки семейной традиции, отдали своего единственного сына после окончания им сельской школы в гимназию в город Красноярск, откуда затем, из четвертого класса (с осени 1878 г.), перевели в томскую гимназию.¹²

Губернский город Томск в тот период был культурным, торговым и промышленным центром Западной Сибири с довольно значительным (еще до открытия в 1888 г. первого сибирского университета) количеством учащейся молодежи, несколькими газетами и колонией политических ссыльных, присутствие которых особенно ощущалось в культурной жизни города. Политссыльные, главным образом народники всевозможных направлений, чувствовали себя в Томске достаточно свободно. Они практически беспрепятственно сотрудничали в местных газетах, поддерживали тесные связи и вели агитацию среди учащихся различных образовательных учреждений. Не удивительно поэтому, что внимание ссыльных особенно привлекали наиболее развитые в интеллектуальном отношении старшекласники Томской гимназии, которые, в свою очередь, также вполне естественно тянулись к овеянному ореолом «борцов за народное дело» ссыльным.

В 1881 г. учащийся шестого класса Вологодский оказался под влиянием кружка политссыльных, группировавшихся вокруг «Сибирской газеты». Одним из лидеров кружка был известный участник «Народной воли» и будущий социалист-революционер Ф.В.Волховский.¹³ Вряд ли придется сомневаться в том, что общение с политссыльными прошло бесследно для формирования общественно-политических взглядов Вологодского, приведя его в дальнейшем в ряды противников существующего политического и общественного порядка.

Значительное влияние на формирование мировоззрения Вологодского оказали книги. В старших классах гимназии он много и жадно читал. Начиная с седьмого класса Вологодский вел ежегодные списки прочитанного, которые старательно заносил в свою записную книжку.¹⁴ Наряд-

ду с классиками русской и западноевропейской литературы XVIII–XIX вв., его ранние списки содержат упоминания о произведениях известных и влиятельных тогда авторов из числа «революционных демократов», таких как В.Г.Белинский, Д.И.Писарев, Н.Г.Чернышевский. Подобно многим своим сверстникам, Вологодский активно интересовался также вопросами физиологии и гигиены человеческого организма.

Примечательно, что уже в этих ранних, не систематизированных, но весьма обширных читательских списках проявился его интерес к Сибири. В частности, в 1882 г. Вологодский прочитал только что изданную работу Н.М.Ядринцева «Сибирь как колония».¹⁵ Написанная идеологом сибирского областничества, книга была изначально ориентирована на поколение Вологодского, на молодую сибирскую интеллигенцию, с которой автор связывал свои надежды на будущее этого края. Ядринцев был убежден, что проблемы Сибири являются следствием ее колониального положения. Отсутствием местного самоуправления он объяснял такие явления, отрицательно влиявшие на положение Сибири, как непропорционально высокий удельный вес заключенных и ссыльных среди населения края, экономическую эксплуатацию Сибири Европейской Россией и ее управление коррумпированными чиновниками, назначаемыми из Санкт-Петербурга. Сибирь нуждалась в своем университете, земском самоуправлении и современной судебной системе, а разнообразное коренное население этого огромного края – в защите от эксплуатации и вымирания. В качестве средства, с помощью которого регион сможет реализовать свой мощный потенциал и устроить свою уникальную судьбу, предлагалась областная автономия. «Сибирь как колония» быстро стала манифестом сибирского областничества.¹⁶ И хотя Вологодский не оставил своих впечатлений от этой книги, его дальнейшая тесная связь с областничеством позволяет предполагать, что труд Ядринцева оказал определяющее влияние на становление его социально-политических взглядов.

Интерес Вологодского к сибирскому областничеству продолжал расти и после окончания Томской гимназии и поступления в 1884 г. на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Однако можно думать, что в своем областничестве молодой сибиряк окончательно укрепился только после переезда в столицу бескрайней Российской империи. Выразилось это отчасти в подборе читавшейся им тогда литературы, среди которой особое внимание первокурсник Вологодский уделял вопросам, связанным с историей и развитием Сибири, бытом крестьянства, его общинным укладом. Как известно, именно крестьянской общине областники уделяли особое внимание, рассматривая ее в качестве наиболее подходящей формы социальной организации, связывая с ней правовое, административное и культурное развитие Сибири как автономной области.¹⁷

Но «Списки прочитанного» Вологодским включали также издания, содержавшие сведения о крестьянском образе жизни и за пределами Сибири, о крепостничестве и истории крестьянского переселения из Европейской России в Сибирь. Среди интересовавших его авторов предпочтением пользовались работы В.О.Ключевского, В.И.Семевского и Н.В.Шелгунова.

Оказавшись в Санкт-Петербурге, молодой сибирский патриот попал в достаточно однородную среду. Жил он рядом с университетом на Петербургской стороне в окружении многих сибиряков, входил в сибирские студенческие землячества, писал библиографические и хроникальные заметки о сибирских событиях для Санкт-петербургских газет и одновременно сообщал о жизни в столице — в сибирские газеты; подрабатывал в конторе редакции областного еженедельника «Восточное обозрение», издававшегося в это время Ядринцевым в Санкт-Петербурге. В общем, с самого начала пребывания в столице империи Вологодский жил сибирскими интересами. Вскоре он также стал посещать так называемые «четверги Ядринцева» — собрания областников, которые Ядринцев и его жена устраивали в своей квартире для всех заинтересованных сибиряков и им сочувствующих, отмечая каждый новый выпуск «Восточного обозрения». На этих собраниях Вологодский встречался со многими известными авторами того времени, включая В.И.Семевского, А.П.Чехова и В.С.Пругавина. Здесь же, у Ядринцевых, молодой сибиряк был представлен Григорию Николаевичу Потанину, будущему признанному лидеру областного движения и близкому другу и единомышленнику Вологодского. Можно утверждать, что все свободное от занятий в университете время Вологодский посвящал сибирским делам. В те же годы и примерно такой же путь, что и Вологодский, прошли и некоторые другие будущие деятели Белой Сибири, в частности А.В.Адрианов и В.М.Крутовский, ставшие приверженцами сибирского областничества.¹⁸

Увлечение Сибирью не мешало, впрочем, учебе Вологодского на юридическом факультете. К своему образованию он относился достаточно серьезно, неизменно получая высокие отметки; проявлял интерес к разным областям юридических знаний, не ограничиваясь изучением только обязательной литературы. Он посещал лекции и читал труды ведущих юристов-позитивистов, в том числе С.А.Бершадского (история философии права), А.Д.Градовского (общее государственное и русское государственное право), Н.М.Коркунова (общее учение о праве), Ф.Ф.Мартенса (международное право). Возможно, именно в эти годы в нем было заложено понимание значения и глубокое уважение к праву, которые он пронес через всю жизнь и которые старался всячески насаждать во время своей деятельности в качестве юриста и политика. Усилия Вологодского по воспитанию этого уважения в обществе в целом особенно отчетливо проявились позднее, в условиях революционной смуты и Гражданской войны.

Петербургский период продолжался, однако, недолго. В июне 1887 г., при подготовке к переходу на четвертый курс, Вологодский вместе с 300 другими студентами университета был исключен за политическую деятельность. Ему было запрещено проживать в «столицах и фабричных городах». Он также был лишен права повторного поступления в университет.¹⁹ Помимо прочего, Вологодскому, по его словам, было поставлено в вину даже то, что он внешне являл собой «тип нигилиста», так как носил длинные зачесанные назад волосы, пенсне на толстом черном шнурке, плед и шляпу с широкими полями.²⁰

В сложившейся ситуации Вологодский решил вернуться к матери в Томск, где, благодаря семейным связям, вскоре устроился на работу помощником столоначальника в канцелярию Томского губернского суда. Некоторое время спустя он продолжил службу по судебному ведомству — столоначальником канцелярии губернского суда в Томске и заседателем окружного суда в Барнауле. Одновременно Вологодский не переставал обращаться к министру народного просвещения с просьбами разрешить ему держать государственный экзамен за юридический факультет в Казанском, Харьковском или Новороссийском университете в Одессе.²¹ Наконец, почти четыре года спустя, в марте 1891 г. ему было дано соответствующее разрешение. Летом 1891 г. Вологодский обратился в Харьковский университет для подготовки к государственному экзамену, который успешно сдал следующей весной. С этого момента его карьера быстро пошла по восходящей.²²

Летом 1892 г. с Вологодского были сняты ограничения и на выбор места проживания, в результате чего у него появилась возможность занять более солидную должность в канцелярии генерал-губернатора Степного края. Получив денежный аванс (подъемные), он сшил себе «мундир по должности» и «форменную фуражку» с козырьком (знак отличия недавнего выпускника юридического факультета) и в начале августа перебрался в административный центр Сибири — город Омск.²³ Проведя там около года, Вологодский был переведен в г. Верный (сейчас — Алматы) в Семиреченскую область, где работал в качестве следователя, городского судьи и товарища областного прокурора.²⁴ В августе 1897 г., после введения в Сибири судебных уставов (аналогичная судебная реформа проводилась в Европейской России в 1864 г.), он оставил государственную службу и вступил в ряды присяжных поверенных.²⁵ Последующие двадцать лет жил в Томске, занимаясь частной адвокатской практикой.

Вологодский вел разного рода уголовные и гражданские дела. Последние в его адвокатской практике занимали наибольший удельный вес. Причем большинство судебных разбирательств им было выиграно.²⁶ Об успешном ведении дел свидетельствует факт избрания Вологодского товарищем председателя Совета присяжных поверенных Томского округа Омской судебной палаты,²⁷ а также его материальное благополучие: он имел собственный дом в центре Томска (Нечаевская ул., 17)²⁸ с прислугой и «выездом», часто проводил отпуск за границей, в Европе.

Но особенно широкая известность пришла к нему после громких политических процессов периода революции 1905—1907 гг. Будучи противником смертной казни, Вологодский сумел спасти жизнь многим своим подзащитным, среди которых были участники томской демонстрации 1905 г., председатель Совета рабочих депутатов красноярских железнодорожных мастерских (так называемая «Красноярская республика»). Успешно выступал он и в качестве общественного обвинителя по делу черносотенных погромов, имевших место в Томске 20—23 октября 1905 г. Участие в этом процессе принесло ему известность и уважение в Сибири, в том числе в среде сплоченной и богатой еврейской общины.²⁹

Кроме адвокатской практики, Вологодский в это время занимался также общественно-политической деятельностью. Он являлся одним из наи-

более активных членов Томской городской думы. Протоколы ее заседаний за 1901–1917 гг. свидетельствуют о том, что «практически ни один вопрос, касавшийся жизни Томска, не решался без участия П.В.Вологодского». ³⁰ Будучи на протяжении полутора десятков лет гласным думы, он входил в состав двадцати с лишним думских комиссий. В частности, избирался председателем исполнительно-училищной комиссии, председателем комиссии по разработке программы празднования 300-летия Томска, товарищем председателя комиссии по благотворительности, являлся членом комиссии по благоустройству города, земельной комиссии и т.д. Кроме того, по подсчетам Е.А.Казаковой, Вологодский за два десятка лет своего пребывания в Томске входил в состав пятнадцати различных местных обществ, причем в большинстве из них состоял членом правления. ³¹ Среди них были Юридическое общество при Томском университете, Общество содействия физическому развитию и даже Томское отделение Российского общества покровительства животным. В ноябре 1904 г. Вологодский в качестве делегата Томской городской думы участвовал в работе первого Всероссийского земского съезда в Москве. После возвращения домой он становится главным организатором так называемой «банкетной кампании» в Западной Сибири, а в 1906 г. избирается выборщиком от города на выборах в 1-ю Государственную думу. ³²

В августе 1905 г. Вологодский и Потанин совместно основали Сибирский областной союз, имевший целью объединение представителей сибирских политических партий и групп левее конституционных демократов (кадетов). В течение последующих двух лет собрания бюро союза регулярно проводились в доме Вологодского. Это, конечно, не ускользнуло от настороженных глаз местных полицейских агентов. В секретных полицейских и жандармских донесениях его дом характеризовался (порой преувеличенно) как «приют для скрывающихся от власти» политических преступников, ³³ как «центр, из которого исходит и руководится вся революционная деятельность в г. Томске». ³⁴ Однако, вопреки утверждению властей о том, что члены Сибирского областного союза были «сибирскими сепаратистами», отделение от России никогда не было составной частью программы областников. Поставив себе целью достижение областной автономии, члены союза разработали проект, в соответствии с которым самоуправление могло быть организовано посредством Сибирской областной думы. Вологодский играл важную роль в разработке концепции этого непосредственно сибирского законодательного и представительного высшего органа власти. Среди областников он специализировался на вопросах судопроизводства и местного самоуправления, находился среди тех, кто помогал Потанину готовить «Проект основных начал положения о земских учреждениях в Сибири», который предусматривал создание сети губернских, уездных и волостных земств, завершавшейся всесибирскими земскими съездами. ³⁵

Кульминацией этого необычайно насыщенного периода в жизни Вологодского стало избрание его в мае 1907 г. депутатом 2-й Государственной думы от Томской губернии. Во время избирательной кампании он проходил по списку прогрессистов, который был составлен незадолго до выборов с целью проведения в Думу группы демократических кандида-

тов от оппозиционных, «прогрессивных» партий — от кадетов до социал-демократов.³⁶ Однако принять участие в работе Государственной думы новоизбранному депутату не удалось, так как еще на пути в Петербург Вологодского застал указ о ее роспуске.³⁷

После 1907 г. Вологодский, так же как и многие другие участники недавних политических событий, отошел от активной общественно-политической деятельности, отчасти перенаправив свою энергию в другую давно интересовавшую его сферу — публицистику. Из-под его пера вышел ряд статей на сибирские и правовые темы. Эти статьи, отличавшиеся, по словам его современника, «начитанностью и изящностью стиля», публиковались не только в местных изданиях, но и в столичных журналах «Право» и «Русское богатство».³⁸ Вместе с тем Вологодский за это время совершенно не изменил своих политических предпочтений; он продолжал в течение многих лет называть себя «сочувствующим» партии социалистов-революционеров, не будучи ее членом и идеологическим приверженцем.³⁹ С 1902 г., с момента создания партийной организации сибирских эсеров в Томске, она, подобно областникам, связывала свои программные установки с крестьянской общиной. В 1903 г. Вологодский вместе с группой политических ссыльных и местных активистов возглавил издававшуюся в Томске газету «Сибирский вестник», придав ей эсеро-областническую направленность.⁴⁰ В дневнике он признается, что «в Томске числился много лет эсером» и помогал в создании типографии «Сибирского союза эсеров», использовавшейся для издания нелегального партийного органа «Отголоски борьбы».⁴¹ Его многолетняя связь с ПСР оборвалась только в 1917 г., по-видимому, из-за разочарования в неисправимом догматизме партийных лидеров, отсутствии у них понимания и внимания к нуждам Сибири.⁴² Можно полагать, что ко времени начала ведения дневника партийные симпатии Вологодского уступили место более устойчивым и менее идеологизированным областническим убеждениям. Областничество взяло верх над узкой партийностью.

Общественно-политические взгляды Вологодского в целом были довольно типичными для сибирского интеллигента-демократа его поколения. Придерживаясь западной ориентации, он в то же время был особенно внимателен к областным нуждам Сибири и патриотично настроен по отношению к России в целом. Сам Вологодский любил называть себя «сибиряком-областником». Именно в этом качестве он воспринимался своими соратниками.⁴³ Приверженность идеям областничества он пронес через всю жизнь, хотя, находясь у власти, ему иногда и приходилось поступаться своими убеждениями.

Стремительное возвышение Вологодского как популярного публичного политика началось в первые дни марта 1917 г., сразу же после того, как известия о революции в столице достигли Западной Сибири. В Томске был образован Временный комитет общественного порядка и безопасности. Подобно своим аналогам в других провинциальных центрах империи, Томский комитет объявил себя губернской властью и, отстранив от должности губернатора, создал в качестве временного исполнительного органа комиссариат из трех лиц, в состав которого вошел и Вологодский.⁴⁴

Более трех месяцев находился Вологодский на этом трудном посту, пытаюсь поддерживать некоторое подобие порядка в губернии без инструкторий от Временного правительства и в условиях постоянного вмешательства со стороны местного Совета рабочих и солдатских депутатов. В конце апреля – мае 1917 г. в Томске состоялась первая (и единственная) сессия губернского Народного собрания, в самом начале которой Вологодский был избран председателем президиума, однако спустя всего лишь несколько дней заболел и вынужден был отказаться от дальнейшего выполнения этих обязанностей. Народное собрание приняло несколько важных решений, в том числе резолюцию «По областному самоуправлению», которая предусматривала созыв общесибирского Областного съезда для обсуждения вопроса об организации регионального представительного органа – Сибирской областной думы, а также проголосовало за новый сибирский символ – бело-зеленый флаг, символизирующий снега и леса Сибири.⁴⁵

В июне 1917 г., вскоре после упразднения Временного комитета общественного порядка и безопасности и назначения Временным правительством комиссара Томской губернии, временный губернский комиссарият вошел на правах отдела в исполнительный комитет Народного собрания. Однако Вологодский недолго оставался в стороне от общественных дел. Уже 14 июля Временное правительство назначило его старшим председателем Омской судебной палаты по рекомендации коллег – местных юристов. Это был высший судейский чин на огромной территории Акмолинской области и Степного края.⁴⁶ Вологодский, по-видимому, был рад такому назначению, особенно после изнуряющей работы в томском комиссариате. В Омске его ждало конкретное и близкое его сердцу дело. Потратив немногим более месяца на сборы семьи и передачу адвокатских дел своему помощнику, Вологодский прибыл в Омск в конце августа. В новой должности он пробыл до декабря 1917 г., вплоть до прихода к власти большевиков и упразднения ими всех либеральных судебных учреждений.⁴⁷

Тем временем в Томске происходили события, которые имели важные последствия для политической карьеры Вологодского и в целом для областничества и будущего антибольшевистского движения в Сибири. В первую неделю августа 1917 г., в соответствии с решениями губернского Народного собрания, здесь был созван областной съезд. Но так как 46 из 63 делегатов представляли организации одной лишь Томской губернии, этот «всесибирский» съезд пришлось переименовать в конференцию и после нескольких дней заседаний распустить делегатов до осени, с тем чтобы подготовить полноценный съезд с широким сибирским представительством.⁴⁸

Неудача с созывом съезда поколебала надежды областников на то, что с падением старого режима автономия Сибири станет реальностью. Более того, областники, подобно многим другим политическим и общественным движениям того времени, оказались перед угрозой политического раскола в собственных рядах. Серьезные разногласия относительно будущего статуса Сибири в составе Российского государства обнаружи-

лись уже на Томском губернском народном собрании в мае 1917 г. Некоторые областники, особенно из числа находившихся на левом политическом фланге, склонялись к национальной программе эсеров, в то время как другие твердо защищали интересы Сибири. Это размежевание только углубилось на протяжении последующих месяцев подготовки к августовскому съезду. Большинство теперь твердо солидаризировалось с эсерами. Политически более умеренное меньшинство (собственно областники), в состав которого входил Вологодский, считавшее себя старшей группой областников, оставалось над политическим расколом. Линии, очерченные этим разделением, в основном перераспределили отношение прежде единого областнического движения к будущим антибольшевистским правительствам в Сибири в годы Гражданской войны.

Придерживавшийся своего примирительного стиля поведения, Вологодский оставался в стороне от политических баталий областников 1917 г. Тем не менее он принял активное участие в I Сибирском областном съезде, который состоялся в Томске 8–17 октября. Вместе с другими известными умеренными областниками Вологодский придавал ему большое значение, надеясь, что съезд поддержит традиционную областническую повестку дня и объединит различные политические партии и фракции, советы, земство и кооперативные органы, профсоюзы и национальные организации под областническим знаменем автономной Сибири. Эти, как оказалось, явно завышенные ожидания нашли отражение в подробном и достаточно восторженном отчете Вологодского о поездке в Томск: «Уже при входе в вестибюль [Томской] университетской библиотеки [где проходил съезд] чувствовалось, что это будет Съезд, а не конференция. На местах, на площадках в зале происходил еще задолго до назначенного часа оживленный обмен приветствиями съехавшихся делегатов, а в секретариате шло заполнение опросных карточек делегатов и выдача билетов... Большая разница с конференцией, происходившей два месяца назад, присутствовала во всем. Значительность собрания, деловой и серьезный его тон, организованность работы и уверенность в успехе, вместо прежней растерянности и недоумения, как приступить к делу, вместо сомнения, состоится-ли созванное собрание, были налицо».⁴⁹ Однако количество собравшихся вновь оказалось намного меньше, чем ожидалось (приблизительно на две трети), и опять доминировали эсеры. Представительство меньшевиков, так же как народных социалистов и кадетов, было незначительным. Умеренным областникам, не прибегавшим к каким-либо партийным альянсам, удалось создать только небольшую фракцию.⁵⁰ Вопреки надеждам Потанина, Вологодского и их единомышленников-областников, съезд вновь оказался лишь очередным рядовым областным (т.е. местным, локальным) форумом.

Обсуждение первых же вопросов повестки дня обнаружило непримиримый раскол вместо ожидавшегося объединения. Численно небольшие, но шумные меньшевики настраивали съезд против соглашения с «буржуазными идеологами» (то есть умеренными беспартийными областниками) и против «засилья зажиточного крестьянства».⁵¹ В свою очередь, кадеты выступали с протестами против преобладания левых на съезде.

Делегаты не смогли найти общий язык даже по вопросу об автономии Сибири. Утомленные бесконечной перепалкой и бесплодными дебатами, участники съезда так и не приняли никакого окончательного решения относительно будущей сибирской государственности и конституции. Этот вопрос должен был решить специально созданный Всесибирский учредительный съезд.⁵²

Однако захват большевиками власти в Петрограде, произошедший буквально через неделю после закрытия томского съезда, серьезно затруднил реализацию намеченных планов. Вместо Всесибирского учредительного съезда был создан Чрезвычайный съезд для того, чтобы сформировать в Сибири автономное правительство в противовес советским органам власти. Этот новый съезд, получивший известность как Чрезвычайный всесибирский съезд делегатов от общественных организаций, собрался в Томске 6 декабря. Как и следовало ожидать, доминировавшие на нем социалисты-революционеры отказались признать Советскую власть и ее декреты. На последнем заседании 15 декабря участники съезда приняли решение о создании «всесибирской социалистической» Областной думы и образовали Временный сибирский областной совет, ответственный перед думой. Открытие думы было назначено на 8 января 1918 г.⁵³

Насколько известно, Вологодский не принимал участия в работе этого съезда и в Томск не приезжал. Однако на съезде присутствовали его единомышленники — областники Г.Н.Потанин, А.В.Адрианов, И.И.Серебренников и другие, выступившие против решения большинства делегатов отстранить представителей имущих классов от участия в будущей Областной думе. Областники всегда придерживались того мнения, что высшее управление в Сибири должно быть свободно избираемым.

Так получилось, что Областная дума не смогла собраться в срок, установленный съездом, из-за отсутствия кворума, составлявшего минимум одну треть или 93 делегата. Многие из них к тому времени были арестованы местной большевистской властью, другие не смогли добраться до Томска. Когда три недели спустя, в ночь с 28 на 29 января, свыше сорока делегатов наконец смогли собраться, они в спешном порядке избрали правительство, известное как Временное правительство автономной Сибири (ВПАС), под председательством молодого несибирского эсера П.Я.Дербера.⁵⁴

По словам участника этого нелегального собрания, после избрания правительства делегаты поручили ему «организовать вооруженное сопротивление большевистским узурпаторам власти», очистить от них территорию Сибири и восстановить порядок.⁵⁵ Это, конечно, было тогда невыполнимо, поскольку вновь избранные министры не могли даже оставаться в Томске без риска быть арестованными. Некоторые из них, включая Дербера, уже вскоре бежали на Дальний Восток; другие ушли в подполье, рассеявшись на обширных просторах Сибири. Задача организации антибольшевистского сопротивления легла на плечи полномочных представителей ВПАС, получивших название «комиссариатов Сибирского правительства». Такие комиссариаты были учреждены Дербером и его окружением в Томске (Западно-Сибирский комиссариат (ЗСК)), Красноярске и Иркутске.⁵⁶

Многие консервативно настроенные офицеры бывшей русской армии, бежавшие в Западную Сибирь из Советской России, были настроены против откровенно социалистического состава комиссариатов и учредившего их правительства, однако вступали в подпольные военные подразделения этих структур. С недоверием относясь к социалистам любого толка, офицеры тем не менее были полны решимости вести вооруженную борьбу против большевизма. Среди них были такие будущие яркие личности Белой Сибири, как полковники П.П.Иванов-Ринов (в Омске) и А.В.Эллерц-Усов (в Иркутске), подполковники А.Н.Пепеляев (в Томске) и А.Н.Гришин-Алмазов (в Новониколаевске).⁵⁷

ВПАС изначально задумывалось организаторами как структура, состоящая из политических единомышленников. Из двадцати его министров только шесть присутствовали на заседании 28–29 января. Двое находились в большевистской тюрьме. Остальные оказались рассеянными по Сибири и северному Китаю и были избраны заочно, без их предварительного согласия. В их числе оказался и Вологодский. Не будучи членом Думы, он тем не менее был избран министром иностранных дел по рекомендации фракции областников.⁵⁸

На первых порах, по-видимому, никто всерьез не верил в долговечность ВПАС, но вместе с тем какой-либо иной жизнеспособной альтернативы большевистским властям предложено не было. Самое же главное, как отмечал немецкий историк Н.Катцер, заключалось в том, что правительство Дербера не могло рассчитывать на сколько-нибудь серьезную поддержку и было не в состоянии объединить разношерстное и достаточно разобщенное население Сибири.⁵⁹

Как явствует из дневника, Вологодский узнал о своем включении в состав ВПАС только в апреле 1918 г. По его словам, первоначально он отклонил это предложение, посчитав себя непригодным для поста министра.⁶⁰ Вероятно, он опасался также преследования большевиками его семьи и еще весной планировал уехать из Омска на Дальний Восток. Однако в конечном счете он поддался на уговоры приезжавших к нему гонимых из правительства Дербера и согласился.⁶¹ Приблизительно в то же самое время Вологодскому сообщили о его избрании почетным председателем Сибирского казачьего войскового суда в Омске, учрежденного казаками в противовес большевистскому Народному суду.⁶²

В целом можно сказать, что в первой половине 1918 г. Вологодский не проявлял особой политической активности. В конце января большевиками была закрыта газета «Заря» – главный орган омского блока социалистов-оборонцев, который он редактировал. В квартире Вологодского был проведен обыск, а сам он подвергнут непродолжительному аресту. Но после обыска представители новой власти оставили его, кажется, в покое, не мешая его службе в Центросибири (Центральный союз кооперативов Западной Сибири и Степного края) и платным выступлениям на юридические темы в Омском культурно-политическом клубе. Правда, вскоре его «уплотнили», подселив к нему на квартиру «форменную большевичку» Софью Захаровну Булатову, о которой Вологодский неоднократно упоминает в своем дневнике.⁶³

Приблизительно месяц спустя после обыска и ареста Вологодский становится редактором кооперативного еженедельника «Трудовая Сибирь», издававшегося Центросибирью в Омске.⁶⁴ Что же касается его непосредственной связи с подпольными военными организациями ЗСК, то сколько-нибудь надежные сведения на этот счет нам неизвестны.⁶⁵ Сомнительно, что Вологодский знал о существовании вооруженного подполья и мог оказывать помощь в сборе средств, используя сеть сибирских кооперативных организаций. Даже позднее, в мае 1918-го, он скептически оценивал их готовность к открытой борьбе с большевиками.⁶⁶

Насколько известно, Вологодский и до установления Советской власти в Сибири не испытывал к большевикам особой симпатии, а пережив полгода большевистского правления, продемонстрировавшие ему и сильные тенденции к централизации новых правителей, и их отказ от всякой правовой преемственности, сделали его — областника и присяжного поверенного — их убежденным противником. Во всяком случае, он с нескрываемым энтузиазмом и надеждой воспринял уже самые первые известия об успехах начавшегося 25–26 мая 1918 г. одновременно на нескольких станциях Транссибирской магистрали антисоветского восстания чехословацких легионеров. Еще больше он обрадовался сообщением о бегстве большевиков из Новониколаевска (26 мая) и столь близкого его сердцу Томска (31 мая). Но это была не просто радость давно ожидавшегося освобождения. Вологодский сразу же подметил историческое значение случившегося и даже посчитал необходимым вести регулярные записи происходящего. «Решил вести дневник. Российская революция, по-видимому, переживает новый фазис своего бытия, быть может более сложный и бурный, чем было до сих пор... Мы живем, очевидно, накануне больших событий».⁶⁷ — отметил он 6 июня 1918 г. в своей первой записи. В отличие от Ю.В.Готье, рафинированного московского интеллигента и историка, который стал записывать свои наблюдения годом раньше, от отчаяния перед грядущим национальным бедствием и под впечатлением развала Российского государства, его падения «как великой и единой державы»,⁶⁸ сибирский интеллигент Вологодский начал дневник только тогда, когда, по его ощущению, появилась наконец реальная возможность начать эту самую государственность восстанавливать. Причем, как показала его последующая деятельность во главе сибирских правительств, Вологодский понимал, что восстановление России как мощного, демократического и единого государства должно начаться именно в Сибири.

Если первым импульсом к ведению дневника послужило ясное осознание Вологодским значения переживаемых событий, то мотивы, которые побуждали его вести регулярные записи в течение последующих семи лет, объясняются уже дополнительными факторами. Сам факт обращения автора к систематическому записыванию происходящего свидетельствует о высоко развитом у него историческом сознании. С самого начала Вологодский относился к своим записям не только как к чему-то, что делается только «для самого себя» и своего ближайшего окружения, но и как к важному историческому источнику, имеющему и общественное зна-

чение. Причем общее значение такого документа, по мнению автора дневника, может быть оценено только со временем. «Надо подробнее записать ход этого заседания, — писал он об одном из важных заседаний Совета министров Российского правительства летом 1919 г. — Кто знает, что станет с нами? Дойдут ли наши протоколы до историка? Какая-нибудь катастрофа может уничтожить все следы наших протоколов. Поэтому занести в дневник ход этого заседания будет лишним шансом оставить следы».⁶⁹

Другой важной причиной, заставлявшей Вологодского вести свой дневник, было его намерение написать обширные воспоминания — начиная с раннего детства, включая Гражданскую войну и заканчивая эмиграцией в Китай в январе 1920 г.⁷⁰ Дневник в этом случае должен был стать незаменимым источником, своего рода развернутыми заготовками о периоде русской смуты. В 1920 г. Вологодский завершил первые три главы своих воспоминаний, посвященных детству, университетским годам и началу юридической деятельности в Томске. Первые две, заканчивающиеся его исключением из Санкт-Петербургского университета, были опубликованы в том же году в декабрьском выпуске пекинского эмигрантского журнала «Русское обозрение».⁷¹ Есть основания полагать, что он начинал работу также и над главами, охватывавшими годы Гражданской войны, которые, насколько можно судить по нескольким сохранившимся черновым фрагментам, в значительной степени совпадают с соответствующими дневниковыми записями.⁷²

Вполне естественно, что такое отношение автора к своему дневнику как, с одной стороны, к источнику для познания в будущем современных автору событий, в центре которых находится прежде всего он сам и его деятельность, а с другой стороны, как к своего рода сырому материалу для позднейшего и уже более осмысленного воссоздания этих событий, не могло не отразиться на манере ведения записей, их композиции и характере, степени откровенности, в том числе и в выборе описываемых событий и лиц. Правда, с годами стиль и подход Вологодского изменились. В течение первых шестнадцати месяцев (т.е. в течение почти всего периода пребывания в Омском правительстве) Вологодский, как правило, делал короткие, отрывочные заметки с недописанными или сокращенными словами и предложениями, которые и заносил, пока события были свежи в памяти, в отрывные памятные листки или в записную книжку.⁷³ Этим методом автор особенно часто пользовался во время длинных утомительных поездок, которые, как председатель Совета министров, он часто совершал в тот период. Затем, в зависимости от обстоятельств, в тот же или на следующий день (реже делая суммарные записи за несколько дней) он расширял свои краткие заметки, иногда выходя за рамки затронутой в них тематики, составлял более развернутую запись, которая заносилась в напечатанный типографским способом петроградской фирмой «Отто Кирхнер» настольный дневник-календарь на 1918 г. (далее «Дневник на 1918»)⁷⁴

В течение 1918 г. Вологодский переписывал свои заметки под соответствующей датой в «Дневник на 1918», а по окончании 1918 г. продолжил

записывать подряд, не соблюдая типографской разбивки на даты календаря, т.е. используя «Дневник на 1918» как обыкновенную тетрадь. По видимому, сделанные в «Дневнике на 1918» записи следует считать черновыми. Отчасти уже по их внешнему виду можно судить о некоторых намерениях автора. В отличие от заметок в отрывных листках и записной книжке, записи в «Дневнике на 1918» писались достаточно четким почерком, с минимальным количеством исправлений и сокращений и почти неизменно с указанием полных инициалов упоминаемых лиц. Возможно, автор стремился тем самым облегчить себе работу над будущими воспоминаниями или над последующей редакцией дневника.

После того как в «Дневнике на 1918» закончились чистые листы (последняя запись от 20 октября 1919 г.), Вологодский продолжил свои записи в отдельной общей тетради в колленкоровом переплете. С этого момента все записи идут как первичные. На протяжении последующих трех лет каждый новый год Вологодский начинал отдельную записную книжку (записи за 1924 и 1925 гг. содержались в записных книжках за 1923 и 1924 гг. соответственно). Таким образом, в течение 1920–1925 гг. он исписал пять записных книжек. В 1924 г., просматривая фрагмент дневника для публикации в берлинском эмигрантском журнале «Архив русской революции», он, очевидно, решил систематизировать свои более ранние записи и придать им тот же вид, что и в последующих записных книжках.⁷⁵ С этой целью Вологодский переписал содержимое «Дневника на 1918» (т.е. с 6 июня 1918 г. по 20 октября 1919 г.) в две отдельные колленкоровые тетради. В процессе переписывания им были сделаны некоторые уточняющие (добавление инициалов, исправление написания фамилий и населенных пунктов) и смысловые изменения.⁷⁶ Таким образом, общее число дневниковых тетрадей достигает семи, а их общий объем составляет около 1230 листов.⁷⁷

Намерение Вологодского использовать дневник в качестве основы для воспоминаний объясняет и его решение излагать большинство сведений в сухом, фактографическом стиле летописца. «Мои летописные записи» — так он охарактеризовал их впоследствии.⁷⁸ Вологодский часто дает подробные, систематические отчеты о событиях, которые, по его мнению, будут важны и для него, и для «будущего историка», без собственных комментариев или оценок. Он редко прибегает к характеристике лиц, по отношению к которым, как мы знаем из других источников, испытывал явную неприязнь. Оценки, осмысление прошедшего, сведение личных счетов требовали других мотивов ведения дневника, большего расстояния во времени от происходивших событий и, значит, должны принадлежать другому жанру — воспоминаниям. Здесь же, судя по всему, мы имеем дело с осознанным стремлением автора создать дневник именно летописного типа, т.е. когда автор последовательно заносит на бумагу то, что знает об окружающем и степени собственного участия в нем, в течение сколько-нибудь длительного периода. Не удивительно поэтому, что дневник содержит весьма скудную информацию о семье Вологодского, его друзьях, внутренних переживаниях автора, его пристрастиях, привязанностях и интересах, религиозных взглядах.⁷⁹ Особенно явно это про-

слеживается в записях за 1918–1919 гг. Внутренний мир автора фактически закрыт для читателя, дневник не проливает свет ни на одну из сторон жизни и деятельности Вологодского вне установленных им рамок — «хроники антибольшевистского движения в Сибири». И хотя после падения колчаковского правительства и бегства автора в Китай записи приобретают более личный, открытый характер, их общий летописный стиль остается прежним. Эту особенность дневника следует, как нам кажется, иметь в виду при изучении этого сложного, многостороннего источника.

Как бы то ни было, а предсказание Вологодского, сделанное в первой записи дневника о том, что «мы живем накануне больших событий», оказалось весьма проницательным. Уже в начале июня 1918 г. власть большевиков была сметена в большинстве городов Западной Сибири. Седьмого июня они бежали из Омска. Первое время вся работа по налаживанию гражданской администрации и восстановлению упраздненных большевиками государственных структур была сосредоточена в руках ЗСК, штаб-квартира которого первоначально находилась в Новониколаевске, но вскоре была перенесена в более подходящий для этого Омск.

Действуя в качестве представителей единственного антибольшевистского правительства в регионе (ВПАС), большинство членов которого по-прежнему находились на Дальнем Востоке, комиссары ЗСК были вынуждены обратить свои взоры на находившегося в Омске Вологодского, который, будучи известным общественным деятелем и выборным членом правительства, мог придать новой администрации хотя бы некоторую степень легитимности. Он немедленно был восстановлен в должности председателя Омской судебной палаты, стал принимать активное участие в заседаниях и в принятии решений ЗСК.⁸⁰ Как явствует из дневника, Вологодский хорошо понимал свое значение для новой власти и, по-видимому, использовал собственное влияние для назначения на высшие посты в административном аппарате ЗСК своих ставленников. Некоторые из них, включая Г.К. Гинса, позднее вошли в его кабинет.

Однако вскоре стало ясно, что ЗСК, в котором преобладали эсеры, должен быть заменен более прочной, менее идеологизированной правительственной структурой, имеющей большую поддержку со стороны сибирской общественности.⁸¹ Причем такое правительство должно было не только заручиться широкой поддержкой в сибирских политических кругах, но и одновременно найти общий язык с консервативными настроениями офицерами, непосредственными участниками подпольных организаций, способствовавших свержению Советской власти в крае. Не менее важным требованием к новой власти была его способность заручиться поддержкой союзников. Высадка британских моряков и японских войск во Владивостоке началась уже в апреле 1918 г.⁸²

Столкнувшись с таким сложным спектром проблем и ожиданий, новое правительство нуждалось в известном, но вместе с тем гибком лидере, которого хорошо знали бы в Сибири и который мог найти общий язык с различными слоями населения, но в то же время был бы способен к компромиссам и мог объединить вокруг себя кабинет. Выбор пал на Вологодского. При поддержке областников из состава влиятельного Пота-

нинского кружка он оказался наиболее приемлемым для таких разных политических лагерей — от эсеров до монархически настроенных офицеров.⁸³ Первые считали Вологодского почти своим, вследствие его многолетних связей с партией, с руководством которой он, впрочем, сохранял добрые, но при этом не слишком доверительные отношения. В течение полугодового правления большевиков он, с одной стороны, сумел поддержать репутацию принципиального и бескомпромиссного их противника, а с другой, умудрился остаться в стороне от участия в руководимом офицерами антибольшевистском подполье. Эти соображения вкпе с широкой известностью Вологодского в Сибири сделали его кандидатуру привлекательной для местных эсеров, кадетов и так называемого «цензового общества».

Решение сформировать Временное Сибирское правительство (ВСП) было принято 29 июня 1918 г. в Омске на собрании с участием нескольких членов ВПАС, находившихся на территории Западной Сибири, — Г.Б.Патушинского, М.Б.Шатилова, И.А.Михайлова и Вологодского, а также председателя Сибирской областной думы И.А.Якушева и управляющего делами ЗСК Г.К.Гинса. Вологодский был назначен председателем Совета министров. Новое правительство сразу же приняло власть от ЗСК. В тот день Вологодский отметил в дневнике, что «все прошло гладко и безболезненно».⁸⁴ Однако эта оценка не вполне соответствовала действительности, поскольку был момент, когда ЗСК рассматривал возможность передачи верховной власти своему политическому двойнику — эсеровскому Комитету членов Учредительного собрания (КОМУЧ), находившемуся с момента своего образования, т.е. с июня 1918 г., в Самаре и имевшему «веские законные притязания на власть в качестве политического преемника распущенного Всероссийского Учредительного собрания».⁸⁵

Образование Омского правительства явилось вынужденным компромиссом между различными политическими силами антибольшевистского лагеря. Вместе с тем это правительство оказалось политически более сбалансированным, чем дерберовское. Некоторые из его членов, прежде всего Вологодский и бывший эсер И.А.Михайлов, имели репутацию достаточно прагматичных политиков, стоящих в значительной степени над партийной борьбой. Особенно было важно, чтобы новое правительство пользовалось доверием со стороны всех умеренных областников, кадетов и так называемых «имущих классов», поскольку само оно постепенно начинало «кадетизироваться» вместе с Вологодским, отчасти олицетворявшим этот процесс.⁸⁶ По мнению Г.К.Гинса, в лице ВСП «утверждался у власти подлинный центр».⁸⁷ К политическому центризму тяготело и большинство губернских, областных, уездных комиссаров ВСП и их помощников.

Своей резиденцией новое правительство выбрало Омск. Именно с этим городом была связана основная деятельность Вологодского в качестве сибирского премьера, здесь он провел наиболее интенсивные семнадцать месяцев своей жизни и создал один из наиболее ярких и подробных исторических источников личного происхождения о Белой Сибири.

В отличие от тихого, но традиционно более культурного Томска, место пребывания нового правительства имело славу делового, скучного и

детов во главе с В.А.Жардецким.⁹⁸ Летом 1918 г. гражданская война только набирала силу, и вряд ли для Сибирского правительства, вынужденного учитывать массу сложных политических, общественных, экономических и этнических интересов, было своевременным настаивать на безоговорочном и окончательном решении векового вопроса сибирской автономии. Идеалы областников оказались своеобразным балластом, чтобы в нужный момент выбросить их за борт. Отразив природное и политическое своеобразие Белого движения на Востоке, бело-зеленый флаг областников не мог стать объединяющим знаменем разнородных антибольшевистских сил.

Четвертого июля 1918 г. ВСП издало декларацию независимости Сибири от Европейской России до тех пор, пока ее территория не будет очищена от большевистской и немецкой оккупации. Это первое важное постановление нового Сибирского правительства было не столько выражением его областнических устремлений, сколько политическим решением, нацеленным на утверждение единовластия ВСП над всей Сибирью и Дальним Востоком. Декларация содержала заявление о том, что «никакая другая власть помимо Временного Сибирского правительства не может действовать» на этой огромной территории, в границах которой ВСП провозгласило «полную свободу независимых сношений с иностранными державами». ВСП также объявило, что отныне оно «вместе с Сибирской областной думой является ответственным за судьбы Сибири».⁹⁹ Вполне очевидно, что таким смелым заявлением был брошен открытый вызов другим антибольшевистским правительственным образованиям, прежде всего членам ВПАС во Владивостоке и консервативному Деловому кабинету генерала Д.Л.Хорвата — главного управляющего Китайско-Восточной железной дорогой в Харбине. Не случайно спустя всего лишь несколько дней после издания этой декларации генерал Хорват в ответ провозгласил себя временным Верховным правителем России.

Следуя декларации независимости Сибири, новое омское руководство стало энергично создавать свой административный аппарат и устранять политические и экономические последствия предыдущего революционного периода. Были отменены почти все нововведения большевиков, аннулированы все декреты Советской власти и запрещены все советские организации. Профсоюзам было разрешено функционировать, но им запрещалась любая политическая деятельность. Железные дороги были милитаризованы, министру внутренних дел предоставлялось право объявлять военное положение в случае возникновения угрозы новому политическому режиму и «общественной безопасности».¹⁰⁰ Все промышленные предприятия и конфискованные земли были возвращены прежним владельцам, но крестьянам было разрешено собирать урожай за 1918 г., который они вырастили на экспроприированных землях.

Вологодский, будучи персонально ответственным за все основные решения и политику ВСП, даже в своих публичных выступлениях руководствовался прежде всего юридическими соображениями. Для него восстановление прав собственности означало восстановление правового порядка, который был разрушен революционными действиями больше-

виков. С его точки зрения, любое правительство прежде всего обязано восстановить правовую преемственность и отстаивать верховенство права. И хотя не приходится сомневаться в том, что эти и другие аналогичные меры нового омского правительства вызвали поддержку в первую очередь более зажиточных, умеренных слоев сибирского общества, их введение вовсе не означало игнорирования правительством Вологодского интересов широких слоев населения. Действительно, основные меры новой власти были направлены на то, чтобы укрепить поддержку со стороны «цензового общества». Однако выиграть от этих мер в конечном итоге должны были все слои сибирского населения. В экономической и социальной сферах, так же как и в области большой политики, правительство Вологодского руководствовалось не классовым подходом, а стремилось стать действительно надпартийным и надклассовым правительством для всей Сибири.

Так, например, обнародованная Вологодским 15 августа 1918 г. на открытии Сибирской областной думы в Томске экономическая программа правительства была призвана отвечать интересам всех социальных групп. В программе провозглашалась поддержка рыночных принципов хозяйствования, свободной торговли и денационализации промышленности, содержалось обещание субсидировать возвращенные собственникам предприятия. Правительство обещало воздерживаться от какого бы то ни было вмешательства в экономику, за исключением борьбы со спекуляцией. Кроме того, предполагалось восстановить и расширить сибирскую железнодорожную сеть, которая считалась основополагающей для экономического благополучия всего края. Премьер-министр использовал трибуну Областной думы также для того, чтобы изложить меры по улучшению условий работы на заводах и в мастерских и предложил создать специальную комиссию для изучения условий труда фабричных рабочих. По мнению Вологодского, только с введением всего комплекса предложенных мер Сибирь могла стать серьезным противовесом подвластной большевикам Европейской части России.¹⁰¹

Первым важным шагом нового премьера, направленным на обеспечение признания власти ВСП, стала его дипломатическая миссия на Дальний Восток, предпринятая им вместе с несколькими министрами в период с 8 сентября по 18 октября 1918 г. Этот вояж преследовал три основных цели: во-первых, убедить группу Дербера во Владивостоке отказаться от своих претензий на власть; во-вторых, подчинить генерала Хорвата и его Деловой кабинет Временному Сибирскому правительству и, в-третьих, добиться дипломатического признания, финансовой и военной помощи со стороны союзников. В своем дневнике Вологодский приводит множество деталей о характере и участниках этой в целом успешной поездки, хотя мало пишет о своей работе и не очень-то спешит раскрыть нам действительные цели проводимой им политической стратегии.

Долгая и утомительная поездка из Омска через Читу и Харбин во Владивосток сопровождалась встречами с такими совершенно разными политическими фигурами, как самостийный казачий атаман Г.М.Семенов, социалисты из правительства Дербера, консерватор генерал Хорват и

Высший уполномоченный Британского правительства в Сибири сэра Чарльз Элиот. В переговорах с ними тон задавал преимущественно Вологодский. В одних случаях он демонстрировал твердую и непреклонную волю, как, например, в решении вопроса о ликвидации дерберовского правительства. В других случаях проявил способность к нахождению компромиссов, убедив генерала Хорвата и его окружение признать высшей властью ВСП в обмен на присвоение старому генералу звания Управляющего Дальним Востоком, а нескольким членам его Делового кабинета — в перспективе высокие должности в Омском правительстве. Таким образом, за сравнительно короткий срок Вологодскому удалось нейтрализовать двух главных конкурентов и обеспечить их лояльность к ВСП.

Поездка на Дальний Восток принесла также плоды и в области международной дипломатии. Во время встречи в Харбине сэра Чарльз Элиот заверил Вологодского, что Британское правительство удовлетворено действиями ВСП, направленными на установление прочной и единой власти в Сибири, и в ближайшем будущем видит возможность официального признания Омского правительства.¹⁰² На встрече в Харбине с главой японской дипломатической миссии в Сибири Цунео Мацудайрой обсуждались два возможных варианта совместных действий против большевиков в Сибири, включая военную интервенцию Японии.¹⁰³

Возможно, наиболее важным непосредственным результатом дальневосточной миссии стало укрепление уверенности Вологодского в устойчивости ВСП и своего собственного в нем премьерства. Эта уверенность, в свою очередь, проявилась в тактике делегации ВСП, находившейся на расстоянии в несколько тысяч километров от места событий — на Уфимском государственном совещании. Это совещание состоялось 8–23 сентября 1918 г. с целью создания всероссийского правительства, призванного заменить многочисленные местные правительства, которые возникли в предыдущие месяцы в Сибири, на Урале и в Поволжье. Совещание открылось, когда Вологодский находился уже в пути на Дальний Восток. Находясь далеко от Уфы, сибирский премьер, если судить по его дневниковым записям того времени, стоял как бы в стороне от происходивших на Уфимском совещании жарких политических дискуссий. Между тем, по данным других источников, складывается впечатление, что Вологодский внимательно следил за ходом совещания и весьма активно вмешивался в его работу. Его первоначальные детальные инструкции И.И.Серебренникову, возглавлявшему уфимскую делегацию ВСП, свидетельствуют об их совпадении с общей политической линией Вологодского, направленной на создание сильной, единой и независимой всероссийской власти.

В этих инструкциях Вологодский, во-первых, обращал внимание на то, что «всероссийская власть должна быть организована по типу директории в составе не более пяти лиц». Во-вторых, политически она может быть ответственна «только перед будущим полномочным органом правильного волеизъявления народа, и до создания такого органа всероссийская власть является несменяемой». В-третьих, «организуемая власть должна быть твердой, крепкой, сильной, с единой волей направленной

на воссоздание Великой России и на возобновление в единение с союзниками войны с австро-германской коалицией». ¹⁰⁴ Вдохновленный, видимо, успехом своей дипломатии на Дальнем Востоке, Вологодский предписывал Серебренникову не делать никаких уступок КОМУЧу, настаивать на немедленном создании Государственным совещанием всероссийского правительства на базе сибирской директории, пополненной тремя лицами, и преобразовать существующие сибирские министерства во всероссийские. ¹⁰⁵ В том же духе 21 сентября Вологодский телеграфировал в Омск о своем согласии с решением Административного совета ВСП, взявшего на себя в отсутствие большинства членов Совета министров всю полноту управления и объявившего о роспуске Сибирской областной думы. ¹⁰⁶

Стратегия Вологодского могла в конечном счете увенчаться успехом, если бы не известие об омских событиях, поступившее в Уфу как раз в момент завершения работы Государственного совещания. Двадцать второго сентября 1918 г. в Омске был убит казаками один из дерберовских министров, А.Е.Новоселов, а двое министров ВСП – Крутовский и Шатилов – арестованы. По утверждению Серебренникова, эти события заставили его делегацию пойти на компромисс с преимущественно социалистическим по своему составу совещанием, хотя и не привели к отказу от выполнения инструкций Вологодского. ¹⁰⁷ Двадцать третьего сентября была сформирована всероссийская Директория в составе пяти человек. Главный конкурент на лидерство в борьбе против большевиков – КОМУЧ – был устранен. Появился зародыш национальной власти в лице Директории, в которой, правда, Вологодский оказался единственным сибиряком. ¹⁰⁸

Мы уже, вероятно, никогда не узнаем, что побудило Вологодского не освещать подробно в дневнике свои политические мотивы относительно Уфимского совещания, равно как и детали дальневосточной поездки. Можно лишь предположить по крайней мере две возможные причины. Во-первых, необходимо учесть, что сибирский премьер-министр вел свой дневник отчасти с учетом его оценки будущими историками и ему не хотелось предавать гласности им же инициированные попытки узурпации всероссийской власти в пользу Омского правительства и, таким образом, перекладывать ответственность за возможное поражение антибольшевистского движения с Директории на руководимое им правительство. Во-вторых, во время уфимских переговоров Вологодский поддерживал интенсивные контакты в Харбине и Владивостоке с дипломатическими представителями союзников и Японии и, вполне естественно, мог не хотеть, чтобы складывалось впечатление о какой-либо зависимости его политической линии от иностранцев.

Дневник показывает, что Вологодский в целом был доволен итогами своей поездки. Отправляясь из Владивостока в Омск в ночь на 9 октября, он отметил, что хотя «мы своей миссией демократию [т.е. левое крыло ВСП. – Д.В., Н.Л., С.Л.] не удовлетворили», тем не менее делегация проделала «тяжелую и крупную работу по государственному строительству». ¹⁰⁹ В день своего возвращения в Омск, 19 октября, Вологодский сделал первое официальное со-

общение на заседании Директории, которая только за десять дней до этого переехала сюда из Уфы. После того как он отметил свои главные достижения – роспуск правительств Дербера и Хорвата и обеспечение обещаний иностранной финансовой и военной помощи, – никто уже не сомневался в том, у кого отныне окажутся бразды правления. На следующих переговорах Директории с ВСП по поводу образования Совета министров Директории, приемлемого для обеих сторон, Вологодский выступил в качестве связующего звена между этими двумя структурами. В конечном счете ему удалось убедить своих коллег в необходимости передать власть единственному всероссийскому правительству – Директории и, в связи с отсутствием у нее собственной административной структуры, принять существующий аппарат ВСП. Четвертого ноября 1918 г. Директория образовала Временное Всероссийское правительство (ВВП), с Вологодским во главе.¹¹⁰

Оценивая пребывание Вологодского во главе ВСП, новосибирский историк М.В.Шиловский отмечает, что тому «удалось провести свое правительство через все бурные водовороты 1918 г., устранить конкурентов в лице КОМУЧа и “Делового кабинета” генерала Д.Л.Хорвата, получить поддержку интервентов, нейтрализовать, а потом свести на нет притязания Сибирской областной думы, а после создания на Уфимском государственном совещании Всероссийской Директории... добиться у нее признания Временного Сибирского правительства в качестве Всероссийского».¹¹¹ Сам Вологодский, подводя итоги работы ВСП в интервью омской газете «Заря» в январе 1919 г., не без удовлетворения констатировал, что правительство осталось верным первоначально поставленным перед ним задачам в области восстановления гражданского управления на центральном и местных уровнях, в экономической и финансовой сферах, устранения вмешательства рабочих и крестьянских организаций в политику. Вместе с тем Вологодский признал также раскол в рядах ВСП и образование двух противоборствующих групп. Более левая группа включала сторонников признания ответственности ВСП перед Сибирской областной думой. Правые, в том числе и Вологодский, настаивали на полной независимости ВСП.¹¹² В этом расколе отразились по существу непримиримые расхождения относительно будущей формы правления в России. Столкновение между правительством и Областной думой отражало рост напряженности между не-социалистами и военными группировками с одной стороны и эсерами – с другой. Кризис достиг своего апогея в конце сентября 1918 г. и закончился победой так называемого «правого крыла», возглавляемого И.А.Михайловым.

В том же интервью «Заре» сибирский премьер-министр высказал свое отношение к будущему Директории. Несмотря на то что ее политический состав был более сбалансированным, нежели у ВСП, тем не менее постоянное отсутствие в Омске нескольких ее членов делало эту власть практически недееспособной. По мнению Вологодского, Директория была обречена, поскольку вела себя как «коллективный монарх».¹¹³ В конечном счете, Директория рухнула после того, как ее руководящий принцип в духе эсеровского понимания общесоциалистической антибольшевистской коалиции стал устаревать. Политические предпочтения «цензовых» слоев сибирского общества все больше склонялись в пользу военной диктатуры.

Государственный переворот в Омске 18 ноября 1918 г., завершившийся устранением Директории и установлением военной диктатуры адмирала А.В.Колчака — Верховного правителя России, ознаменовал новый период в истории антибольшевистского движения на Востоке и в личной и политической судьбе Вологодского. После переворота Совет министров Директории под председательством Вологодского был переименован во Временное Российское правительство (ВРП). Продолжая заниматься вопросами гражданской жизни, правительство было вынуждено предоставить Колчаку неограниченные полномочия в военной сфере. Организаторами переворота, получившего известность как «колчаковский» или «омский», были консервативно настроенные представители военных и политических кругов в Омске, надеявшиеся посредством диктатуры создать прочную централизованную власть, способную объединить вокруг себя освобожденные от большевиков территории. Однако, вопреки этим ожиданиям, установление военной диктатуры имело серьезные последствия для будущего Белой Сибири.

Государственный переворот подорвал успехи ВСП в укреплении гражданской власти и развитии органов местного самоуправления. Переход к диктатуре усиливал аргументы, использовавшиеся большевистскими агитаторами, о том, что белые стремятся восстановить монархическое правление. Военный переворот существенно сузил социальную и политическую базу омского режима и породил новых противников, в том числе многих сибирских эсеров, меньшевиков и даже некоторых областников. В результате на Востоке возник третий претендент на власть, борющийся не только с большевиками, но и с Колчаком. Кроме того, серьезным последствием переворота стало охлаждение симпатий союзников к Белому движению, побудившее чехословаков покинуть сибирский фронт.¹¹⁴

Переворот 18 ноября и последующая реорганизация правительства поставили Вологодского в трудное положение. Как юрист и демократ, он публично заявлял о своей готовности даже уйти в отставку в знак протеста против свержения Директории, которая, в отличие от режима Колчака, могла претендовать, по крайней мере, на некоторое подобие легитимности. В создании Директории участвовали члены Учредительного собрания, а также различные местные правительства и политические группировки, тогда как новый омский режим не мог продемонстрировать чего-либо подобного. Лишь оставление Вологодского на посту премьера придавало некую видимость легитимности новому режиму, подчеркивало его преемственность с ВСП. По словам английского историка Д.Смила, «Колчак вполне понимал, что политическая родословная Вологодского восходит к Сибирскому правительству, избранному в Томске в январе 1918 г., и (косвенно) к мандату Сибобдумы».¹¹⁵ Возможно, эти преемственность и чисто символическая легитимность, связанные с именем Вологодского, наилучшим образом объясняют его политическую долговечность и пребывание в правительстве Колчака, продолжавшееся практически до самого его падения.¹¹⁶ Как прагматичный, но и ответственный политик, Вологодский должен был осознавать ложившуюся на него немалую долю ответственности за возвышение Колчака и тем не менее считал себя

обязанным не покидать своего поста. Как явствует из дневниковых записей, он скрепя сердце принял колчаковский переворот и остался во власти. Однако с этого момента и до конца своей жизни Вологодский не смог уже избавиться от прикрепленного к нему ярлыка «колчаковец» и подвергался постоянным нападкам со стороны как старых, так и новых противников и недоброжелателей в России и позднее в эмиграции.

Вопреки утверждениям некоторых авторов воспоминаний и исторических исследований, решение Вологодского остаться в правительстве Колчака не является непреложным свидетельством его участия в подготовке свержения Директории.¹¹⁷ Надежных источников, подтверждающих его участие в заговоре, на сегодняшний день нет. Отсутствуют даже сведения о том, что он заранее знал о подготовке заговора. Дневник в этом отношении не дает оснований для каких-либо подозрений. Вологодский, безусловно, вполне осознавал щекотливость своего положения после 18 ноября. Дневниковые записи убедительно свидетельствуют о тех нравственных муках, которые он испытывал, нарушив свою клятву о поддержке Директории. Он даже предпринял попытку публичного объяснения. В широко распространенном газетном интервью в январе 1919 г. Вологодский признавался, что после переворота он был физически ослаблен и первоначально отклонил предложение остаться в составе кабинета.¹¹⁸ Только настойчивые просьбы коллег заставили его изменить решение. Члены кабинета, по его словам, говорили ему, что отставка «будет истолкована как перемена политического курса Совета министров», что этим воспользуются экстремисты как справа, так и слева, «чтобы дискредитировать Совет министров» и что его отсутствие подорвет политическое доверие Омского правительства в глазах союзников.¹¹⁹ В том же интервью Вологодский поспешил заверить сибирскую общественность, что он остался верен демократическим и областническим идеалам и с нетерпением ждет того момента, когда «представится первая возможность приступить к избранию Национального собрания для определения основ будущего государственного строя великой России и родной и столь мне близкой Сибири».

Тем не менее омские события осени 1918 г., по-видимому, окончательно раскололи сибирских областников, даже в организационном отношении. В письме к Вологодскому от 3 марта 1919 г. И.И.Серебренников обращал внимание на их разделение «на два крыла» — правое и левое: «Правые областники стоят на точке зрения существующего правительства, левые находясь в оппозиции к нему и сильно “эсерствуют” и никак не могут примириться с фактом временного самоуничтожения Сибирского правительства, называя нас предателями и изменниками». Далее в письме сообщалось о создании во многих городах Сибири и Дальнего Востока «областнических организаций правого толка под наименованием местных отделов “Потанинского союза областников-автономистов”».¹²⁰

Как и следовало ожидать, положение Вологодского в новом правительстве значительно изменилось. До переворота он был первым среди равных, теперь же его премьерство было подчинено Верховному правителю. Изменились также структура правительства и образ его действий.

В соответствии с Положением «О временном устройстве Государственной власти в России», для решения гражданских вопросов по-прежнему требовалось одобрение Совета министров. Но вследствие того что Колчак большую часть своего времени проводил на фронте и глубоко не вникал в вопросы административно-хозяйственного управления, их решение все в большей степени переходило в ведение небольшого круга его близких советников, которые составили Совет Верховного правителя, и даже еще более узкого неформального внутреннего кабинета (т.н. *Küchenkabinett*).¹²¹ Отставки и назначения в Совете министров также оказались вне пределов компетенции Вологодского и его единомышленников. Состав кабинета становился заметно правее и моложе. 56-летний Вологодский принадлежал уже к самому старому поколению политиков. Инициатива и влияние перешли к молодым, энергичным и амбициозным министрам, таким как И.А.Михайлов (министр финансов), Г.Г.Тельберг (юстиции) и И.И.Сукин (иностранных дел). Количество сибиряков в кабинете также неуклонно сокращалось. Их сменили более известные политики общероссийского масштаба, преимущественно кадеты. К ноябрю 1919 г. уже менее половины министров являлись сибиряками, а семь из пятнадцати были кадетами.¹²² В новых условиях положение Вологодского в руководстве колчаковского режима неизбежно ослабевало, к тому же сам он часто болел. Все это никоим образом не способствовало решению многочисленных сложнейших задач, стоящих перед правительством. Тем не менее было бы упрощением утверждать, как это делает Д.Смил, что будто бы «пассивный» и «явно непригодный» Вологодский «оказался неспособным остановить погружение в хаос, характеризовавший работу правительства в середине 1919 г.».¹²³ Совершенно не очевидно, что другая, более сильная личность могла бы предотвратить этот процесс. Причины, лежавшие в основе кризиса колчаковского режима, как убедительно показал сам Смил, были куда более сложными и глубинными для того, чтобы любой гражданский глава правительства мог вообще что-либо предпринять в условиях безудержно растущего господства военных.

Однако нельзя не отметить, что, оставаясь в правительстве Колчака, Вологодский постоянно выступал против усиления власти военных, против насильственных и незаконных методов управления, продолжал настаивать на сосредоточении власти в руках гражданской администрации за исключением вопросов, непосредственно связанных с военными действиями. Так, в декабре 1918 г. в беседе с представителями томской прессы Вологодский отмечал, что «в настоящее время страна управляется эксцессами, которые не могут быть терпимы далее, так как деморализуют население и подрывают доверие к правительству. Необходимо устранить эту ненормальность и ввести жизнь в более правильные условия, так как порками и расстрелами невозможно установить прочный порядок».¹²⁴ В ноябре 1919 г. в одном из своих последних разговоров с Колчаком по прямому проводу расстроенный премьер-министр призывал Верховного правителя «положить конец своеволию отдельных военных начальников».¹²⁵

Вологодский постоянно сталкивался с сопротивлением военных и фракционной борьбой в правительстве, поэтому удивительно, что ему

вообще что-то удалось сделать за этот период. Дневник свидетельствует, что жалобы на усталость и слабое здоровье не помешали Вологодскому в некоторых сферах деятельности стать достаточно эффективным и, быть может, даже успешным премьером. Благодаря ему были достигнуты значительные улучшения в работе судебных учреждений и местном управлении. Заслуживают внимания создание Правительствующего Сената как верховного суда в условиях режима Колчака, расширение прерогатив местных и территориальных органов самоуправления. Желая сохранить информацию для потомков, Вологодский сделал подробную, почти стенографическую запись именно того заседания кабинета министров, на котором обсуждалось предложение Министерства юстиции о расширении полномочий земств и городского управления. Для автора дневника это был «большой парламентский день», так как сам он сыграл видную роль в принятии решения по этому вопросу.¹²⁶ В то же время Вологодскому не удалось предотвратить ни чрезмерного раздувания аппарата Омского правительства, достигшего к концу своего существования поистине всероссийских пропорций, ни значительного роста бюрократизации работы правительственных учреждений в целом. В определенной степени он несет также ответственность за жесточайшую борьбу между различными внутривластными группировками, которая в течение лета и осени 1919 г. фактически парализовала деятельность правительства по делам гражданской администрации.

Как председатель Совета министров, Вологодский значительную часть своего времени посвящал вопросам большой политики и укреплению государственных институтов. Но помимо этого он уделял внимание и текущим вопросам, связанным с хозяйственной и финансовой деятельностью правительства, сельским хозяйством. Правда, в этих важных сферах правительству Вологодского удалось сделать немного, что частично подтверждается редкими упоминаниями о них на страницах дневника. Хотя общим направлением экономической политики Временное Российское правительство немногим отличалось от своего предшественника, в стремлении восстановить сибирское хозяйство с помощью привлечения к этому делу как можно более широких общественных и профессиональных кругов колчаковское правительство пошло гораздо дальше. В июне 1919 г. правительством было создано в Омске Государственное экономическое совещание, собравшее представителей умеренных и консервативных политических организаций, кооперации, земств и союзов городов, профессиональных, коммерческих и финансовых организаций со всей Сибири. Этому форуму Вологодский придавал большое значение. Во время его открытия он призвал участников к совместной с правительством выработке программы по обеспечению снабжения Сибирской армии, денационализации промышленности, проведению твердой денежной политики и реформированию налоговой системы.¹²⁷

Однако из перечисленных пунктов удалось в известной степени наладить только систему налогообложения. Не принесли успеха попытки правительства покрыть огромный дефицит государственного бюджета. Его погашение осуществлялось прежде всего за счет разрушительной эмис-

сии денежных знаков.¹²⁸ Правда, жизненный уровень в Сибири, хотя и оставался очень низким, все же не упал до таких глубин, как в Европейской России, которая была разорена Первой мировой войной, большевистской политикой «военного коммунизма» и Гражданской войной. В конечном счете, омский режим оказался не в состоянии преодолеть экономические трудности. Унаследованная от большевиков экономическая разруха и необходимость снабжения армии подрывали все попытки правительства Вологодского по восстановлению и налаживанию сибирского хозяйства.¹²⁹

Несмотря на предпринимавшиеся усилия, правительство не смогло добиться значительных результатов и в решении аграрного вопроса. Вологодский, с молодых лет интересовавшийся проблемами крестьянского землевладения и землепользования в Сибири, сыграл заметную роль в попытке их решения. Поскольку Верховный правитель провозгласил свою власть всероссийской, аграрный вопрос для режима Колчака представлял большую сложность, чем для ВСП. Продвижение колчаковских войск к западу обязывало кабинет Вологодского обнародовать свою позицию в отношении частных землевладений, экспроприированных в Европейской России в ходе аграрной революции 1917–1918 гг. (в Сибири проблема возвращения земли не была такой актуальной вследствие малого количества частных земельных собственников накануне 1917 г.).¹³⁰ Позиция Вологодского в этом вопросе в критические месяцы весны — лета 1919 г. была очень важной. Отступив от радикальной, в своей основе эсеровской, аграрной политики, премьер тем не менее настаивал на постепенной ликвидации дворянских латифундий и поддерживал временные права крестьян на посевную и сбор урожая с земель, которые они захватили и затем обрабатывали.¹³¹ В числе немногих заметных результатов аграрной политики, достигнутых ВРП, следует отметить меры, приведшие к формальной отмене продразверстки, развитию рыночного хозяйства, снижению налогового обложения крестьян.

Однако в целом аграрная политика Омского правительства не способствовала преодолению глубокого социального и имущественного расслоения, имевшего место в среде сибирского крестьянства. Правительство, в частности, проигнорировало различия между крестьянами-новоселами, переселившимися в Сибирь в ходе столыпинской аграрной реформы, и старожилами, владевшими более крупными земельными наделами на общинной основе. Правительству не удалось поставить под контроль широко распространенную спекуляцию. Оно не смогло удержать армию от незаконных изъятий в деревнях продовольствия и фуража. Эти самочинные реквизиции, а также активизация сбора налогов и податей, в том числе с помощью вооруженных отрядов, принудительные мобилизации в Белую армию резко обострили противостояние крестьянства и государства, вылившееся в серию кровавых столкновений между ними уже осенью 1918 г. и в антиколчаковскую партизанскую войну — во второй половине 1919 г.¹³² Вологодский понимал социально-экономические особенности сибирского крестьянства и был хорошо осведомлен о творившихся бесчинствах. Он неоднократно протестовал, но был не в состоянии управлять ситуацией.

Немалые усилия направил премьер Вологодский и на достижение дипломатического признания Омского правительства союзными державами. Но этой его деятельности в дневнике уделено непропорционально мало внимания. Возможно, автор считал ее не имеющей прямого отношения к «хронике антибольшевистского движения в Сибири». Вместе с тем доступные документы подтверждают, что он почти ежедневно не только просматривал поступавшую от представителей ВРП за границей дипломатическую корреспонденцию, но и визировал различные исходящие директивы по внешнеполитическим вопросам. Например, в ходе Парижской мирной конференции он настоял на том, чтобы российские представители, помимо регулярных докладов министру иностранных дел, представляли отчеты ему лично.¹³³ Не будучи опытным дипломатом, Вологодский тем не менее иногда проявлял в этой области завидную проницательность. Об этом, в частности, свидетельствует занятая им сдержанная позиция по отношению к планам его Министерства иностранных дел по сближению с Японией. По мнению Вологодского, политика маневрирования между Соединенными Штатами и Японией не могла принести существенных выгод его правительству: «Америка, не желающая конфликтовать с Японией, станет нас сторониться, поскольку она будет видеть опасность быть втянутой в осложнения из-за России».¹³⁴

Кратковременность существования омского режима и последующая судьба антибольшевистского движения в целом не позволяют дать однозначную оценку действиям Вологодского в области внешней политики. Справедливости ради следует отметить, что ему не доставало технических возможностей для ее эффективного проведения. Информация от представителей правительства в Европе поступала в Омск с большим опозданием, иногда спустя три месяца после отправки.¹³⁵ Не всегда удавалось ему добиваться успехов в сглаживании непрерывно возникавших конфликтов между союзными дипломатами и представителями командования их войск в Сибири. Военная и финансовая помощь союзников колчаковскому режиму была нерегулярной и недостаточной. Официальное дипломатическое признание так и осталось невыполненным обещанием.¹³⁶ Возможно, сомнения в реальности достижения этой цели удерживали Вологодского от подробного описания в своем дневнике вопросов внешней политики. В конечном счете, можно говорить о том, что основной его вклад в эту политику ограничивался самим его присутствием в правительстве, что, вероятно, помогало убеждать союзников в преемственности омского режима и его верности демократическим началам.

Другие аспекты деятельности Вологодского в период его нахождения у власти достаточно подробно освещены в дневнике, а также в комментариях составителей и не требуют здесь дополнительных пояснений. Вместе с тем необходимо отметить, что Вологодский в определенном смысле был политическим долгожителем. Омское правительство в 1918 и особенно в 1919 году прошло через полосу кризисов. Временами казалось, что Вологодский был близок к потере своего поста, но всякий раз сохранял его, оставаясь в большой политике до ноября 1919 г. Он оказался по существу единственным из четырех членов первого Омского правитель-

ства (ВСП), сохранившим свой пост почти до конца колчаковского периода, что свидетельствует, помимо прочего, о его гибкости, определенной ловкости и мастерстве политика (а не об «исключительной политической изворотливости», как полагает М.В.Шиловский¹³⁷).

Согласившись возглавить Омское правительство летом 1918 г., Вологодский сознательно пошел на то, чтобы олицетворять собой один из символов антибольшевистского движения в Сибири, и, следовательно, принял на себя ответственность за его эксцессы, грубые ошибки и возможное поражение. В то же время он остался верен своим демократическим и областническим убеждениям, вопреки давлению со стороны военных и атаманщины. Его дневник демонстрирует нравственные мучения, которые он испытывал всякий раз, когда политическая целесообразность диктовала курс, противоречивший его убеждениям. Подобно Колчаку и некоторым другим лидерам Белой Сибири, Вологодский верил, что только Учредительное собрание вправе установить будущую форму правления в России. Как и Колчак, Вологодский был *непредрешенцем* и, несмотря на всю свою занятость, считал именно подготовку правильных выборов в сибирское, а затем во всероссийское Учредительное собрание чуть ли не главной задачей всей своей политической карьеры.¹³⁸ Вот почему, когда в конце ноября 1919 г. Колчак наконец решил заменить своего «старого премьер-министра» более молодым и «более решительным» В.Н.Пепеляевым, Вологодскому был предложен пост председателя Комиссии (к тому времени уже формальной) по разработке вопросов о Всероссийском представительном органе.¹³⁹

На протяжении всей своей деятельности Вологодский старался привить в сибирском обществе глубокое уважение к праву, законности и государственным институтам. Конечно, он был не в состоянии преодолеть то огромное количество внутренних и внешних препятствий, стоявших на пути Белого дела в Сибири. Ведь, помимо всех недостатков самого колчаковского правительства, против него действовал широкий фронт явных и скрытых противников, начиная от большевиков и эсеров и заканчивая целым букетом своевольных казачьих атаманов типа Волкова, Калмыкова, Красильникова, Катанаева и Семенова. Слабая во всех отношениях диктатура Колчака была не в состоянии добиться полного послушания даже от своих гражданских чиновников, не говоря уже о солдатах и офицерах.¹⁴⁰

Из дневниковых записей видно, что давно ожидаемое известие о своей отставке Вологодский встретил с большим облегчением.¹⁴¹ Теперь он мог спокойно разгуливать по Иркутску, куда правительство незадолго до этого было эвакуировано из Омска, «в костюме пролетарствующего интеллигента (коротенькая меховая куртка и скромная шапочка)».¹⁴² Трудно сказать, являлась ли эта одежда проявлением его личной скромности или же была обусловлена тревожной атмосферой заката Белой Сибири, точно подмеченной одной из современниц: «исчезли с улиц города [Иркутска] хорошо одетые люди, появились платки и шарфы на головах женщин, старенькие пальто и шапки на мужчинах. Все стало серо и печально».¹⁴³

Примечательно, что, вернувшись к частной жизни, Вологодский, по-видимому, как-то сразу потерял свое еще совсем недавно остро развитое политическое чутье. В разговоре с японским офицером 18 декабря 1919 г. он дал весьма оптимистический прогноз, согласно которому Красная армия вряд ли продвинется дальше Красноярска, что большевики не смогут долго продержаться в Сибири и что, несмотря на многочисленные трудности, положение правительства Пепеляева «не так безнадежно».¹⁴⁴ Антиколчаковское выступление, начавшееся через несколько дней в Иркутске, и последующее быстрое падение белого режима развеяли этот оптимизм. Спустя всего лишь три недели после разговора с японским офицером Вологодский и многие другие бывшие высокопоставленные лица правительства Колчака бежали вместе с семьями в японском военном поезде в поисках убежища за пределами Сибири. В жизни бывшего сибирского премьера начинался новый, беженский период.

Двадцать девятого января 1920 г. Петр Васильевич Вологодский вместе с женой Софьей Ивановной и шестилетней дочерью Зиной прибыл в Харбин. Основанный русскими инженерами в 1898 г. как будущий транспортный узел и штаб-квартира Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), Харбин располагался на месте китайского рыбацкого поселка на берегу самой большой реки Маньчжурии – Сунгари, притока Амура. К 1903 г. из города выходили три главные железнодорожные линии: северо-западная – к Транссибирской магистрали, восточная – к Владивостоку и южная – к Мукдену и Порт-Артуру. Помимо Харбина и самих линий, управление КВЖД распространялось на небольшие поселения, построенные вдоль железной дороги, и на ее полосу отчуждения длиной 2000 километров и шириной 80 километров. Эта территория вскоре получила известность как Русская Маньчжурия, а Харбин стал ее столицей.¹⁴⁵

К моменту приезда Вологодского Харбин был уже шумным многонациональным городом с населением около 300000 человек.¹⁴⁶ Почти половину жителей составляли русские, остальные в большинстве своем являлись китайцами. В значительном количестве были представлены также японцы, российские и польские евреи, грузины, латыши, украинцы, поляки и армяне.¹⁴⁷ Между 1918 и 1922 гг. русскоязычное население города существенно выросло за счет хлынувших в Маньчжурию, с отступлением Белой армии, беженцев из Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока. По некоторым данным, за эти годы в Харбине осело более 100000 беженцев.

Русская часть города, включавшая округа Старого Города, Нового Города и Пристань, а позже – Нахаловку и Модягоу, была похожа на любой другой провинциальный сибирский город того времени со всеми внешними атрибутами. Улицы носили русские названия и вывески на русском языке. Там размещалась русскоязычная реклама, располагались почта, магазины, рестораны, редакции газет, церкви, монастыри, школы, больницы, банки, заводы, кино, театры, включая даже оперный театр, а также русские политические, общественные, научные, благотворительные и профессиональные организации.¹⁴⁸ Характерно, что Русский Харбин имел собственную русскую администрацию, полицию, окружной суд (так называемый «Пограничный окружной суд»), апелляционные суды и выбор-

ный городской совет (так называемое «Харбинское самоуправление» или «Совет уполномоченных Харбинского общественного управления»)¹⁴⁹.

В общем, в начале 1920-х гг. Харбин был единственным в мире за пределами Советской России русским городом с населением, которое Розмари Квэстед удачно охарактеризовала как «полноценную многоклассовую европейскую общину, которая когда-либо существовала в Южной или Юго-Восточной Азии, а фактически и вообще в Азии, с тех пор как пала Византия».¹⁵⁰

В самом общем виде русское население Харбина (и полосы отчуждения) делилось на две основные группы. Первую составляли старожилы, которые прибыли до 1917 г. Это были главным образом служащие КВЖД, ее организаций и служб, в частности железнодорожной полиции, военной охраны, а также юристы. Сюда же можно отнести мелких и средних предпринимателей города и представителей ряда других профессий. Вторую группу составляли беженцы, отличавшиеся в социальном и политическом отношении большой пестротой. На две трети эта группа состояла из рабочих, крестьян и казаков с примесью торговцев и государственных служащих. В оставшуюся часть входили лица свободных профессий, включая юристов, учителей, врачей, инженеров, ученых, журналистов и писателей.¹⁵¹ В этой группе были представлены сторонники почти всех политических партий и идеологических течений — от большевиков до монархистов и националистов. Другими словами, русское общество в Харбине и полосе отчуждения КВЖД приблизительно соответствовало по своей социальной структуре дореволюционному российскому обществу.

В значительно меньшей степени это относилось к русскоязычному населению других городов Китая, сосредоточившемся главным образом на русских концессиях так называемых «открытых для иностранцев городов» — Ханькоу, Шанхай, Тяньцзинь и дипломатического квартала в Пекине. В начале 1920-х гг. в каждом из этих городов насчитывалось лишь по несколько тысяч русских старожилов, пользовавшихся там правами экстерриториальности, установленными русско-китайскими соглашениями 1858-1860 гг., в соответствии с которыми они находились под юрисдикцией местных российских консулов. Русским концессиям предоставлялось также право избирать общественные самоуправления, выполнявшие в основном некоторые муниципальные, общественные, а также благотворительные функции.¹⁵²

В марте 1920 г. Вологодский со своей семьей отправился из Харбина в Шанхай, где он надеялся зарабатывать юридическими консультациями среди русских предпринимателей и учреждений. Причиной переезда стали не только низкая вероятность нахождения работы в Харбине, но также и тревожные слухи о надвигающихся арестах проживавших там бывших министров правительства Колчака с целью высылки их в Советскую Россию для последующего суда.¹⁵³ Шанхай разочаровал Вологодского, который по-прежнему мог рассчитывать только на свои небольшие сбережения и надеяться на скорое падение Советской власти и возможность возвращения домой.¹⁵⁴

Осенью 1920 г., спустя несколько месяцев после очередного переезда Вологодского, на этот раз в Тяньцзинь, центральное китайское правитель-

ство, воспользовавшись отсутствием какого-либо значительного антибольшевистского правительства в Сибири и на Дальнем Востоке, предприняло серию решительных мер, направленных на упразднение экстерриториальных прав русских граждан, «постоянно проживающих в Китае». ¹⁵⁵ В сентябре все российские дипломатические представительства и принадлежавшие им учреждения, включая консульские суды, были закрыты, а русские подданные переданы под юрисдикцию местных китайских властей. ¹⁵⁶ В октябре полоса отчуждения, включая Харбин, вместе со всем русским населением и административными учреждениями, перешла под прямое управление провинциальных китайских чиновников и была переименована в Особый район Восточных провинций (Фэнтянь, Кирун и Хэйлуныкянь), которыми в то время безраздельно правил маньчжурский милитарист Чжан Цзолинь. Русские суды в Харбине заменились специально созданным Окружным судом и Судебной палатой Особого района Восточных провинций, при которых, правда, был установлен институт иностранных юридических советников и допускались к защите иностранные адвокаты. ¹⁵⁷ В течение следующего года были закрыты русская почта и все остальные официальные учреждения, за исключением выборного Харбинского городского самоуправления. Его очередь пришла в 1926 году.

Эти меры крайне негативно отразились на жизни всей русской общины в Китае, но особенно они ударили по беженцам, и без того с трудом сводившим концы с концами. Если до ликвидации русских судов шансы Вологодского найти сносный заработок посредством адвокатской практики были в лучшем случае минимальны, то теперь они почти полностью улетучились. Оставалось либо перебиваться случайными заработками за оказание мелких юридических услуг, что Вологодский без особого успеха и пытался делать первые два с небольшим года в Тяньцзине и Пекине, либо надеяться на почти невероятное – устройство на службу в один из многочисленных отделов администрации КВЖД в Харбине. Навестивший Вологодского в Тяньцзине И.И.Серебренников вспоминал: «Встретились мы тепло и сердечно. Долго беседовали. Я заметил, что Петр Васильевич как-то поддался, постарел, выглядел очень грустным и усталым. Видимо, нелегко давались ему скитания по чужой земле. Думаю, что его в то время сильно озабочивало и его материальное положение». ¹⁵⁸

Летом 1922 г. к Вологодскому, проживавшему с августа 1921 г. в Пекине, обратился его бывший коллега по Омскому правительству Г.К.Гинс, которому после значительных усилий удалось подыскать для него должность агента для поручений при Юридическом отделе Управления КВЖД в Харбине. И хотя эта должность была временной и внештатной, с небольшим жалованьем, для Вологодского, измученного непрерывными переездами и содержавшего семью на быстро таявшие сбережения, она стала настоящим спасательным кругом. Без лишних задержек, в начале июня он с семьей с радостью поменял надоевший ему своей «китайщиной» Пекин на «более русскую обстановку и среду» Харбина. ¹⁵⁹

Несмотря на начавшиеся в 1920 г. перемены в положении русских жителей и учреждений в Китае, в том числе потерю российского контро-

ля над КВЖД, ежедневное функционирование дороги по-прежнему осуществлялось русским техническим и управленческим персоналом. Большую часть служащих КВЖД (16000 человек) продолжали составлять русские.¹⁶⁰ Главная администрация (Управление) дороги все так же находилась в Харбине, и КВЖД по-прежнему оставалась самым крупным работодателем на территории теперь уже бывшей полосы отчуждения. КВЖД по-прежнему принадлежали многочисленные ремонтные цеха и смежные производства, участки земли, курорты, здания, пароходы, больницы, типографии и школы. Ни один крупный русский коммерсант, банкир или юридическая контора не могли рассчитывать на успех без поддержки и деловых связей с Управлением КВЖД и ее конторами. В почти полной финансовой зависимости от КВЖД находились многочисленные периодические издания, а также многие образовательные, культурные и благотворительные учреждения. Таким образом, получение даже временной должности в Управлении КВЖД обеспечивало определенное положение в обществе и более-менее безбедное существование для всей семьи.

Первое время жизнь в Харбине выгодно отличалась от того, что Вологодскому пришлось испытать в предшествующие годы в Шанхае, Тяньцзине и Пекине. По-видимому, ему даже стал нравиться сам город, в котором к тому времени осело немало его сибирских знакомых и несколько близких друзей. Служба в Юридическом отделе приносила небольшой, но все-таки постоянный доход. Жизнь постепенно налаживалась. Вологодский стал даже проявлять активный интерес к культурным и общественным событиям города. Он посещал театр и публичные лекции, иногда отдыхал за игрой в бильярд или на лошадиных скачках. Как и раньше, продолжал уделять пристальное внимание событиям в Советской России и все еще отказывался верить в долговечность режима большевиков. Почти любой слух или газетная статья об изменениях в руководстве Кремля или восстаниях против власти большевиков где-нибудь в СССР (в те годы недостатка в таких слухах не было) поднимали его подавленный беженским существованием дух, возрождали надежды на скорое возвращение в Сибирь. Всегда интересовавшийся политикой, Вологодский пытался также разобраться в постоянной схватке между различными китайскими милитаристскими группировками за контроль над центральным правительством в Пекине.¹⁶¹ Несмотря на все драматичные перемены в его жизни и с калейдоскопической быстротой менявшиеся события, Вологодский продолжал вести дневник. Он по-прежнему обстоятельно, хотя реже, чем прежде, и с большими интервалами между записями, заносил свои впечатления на те или иные темы, в своем обычном фактографическом стиле отмечая, что видел и с кем встречался.

Дневник редко служил Вологодскому тем инструментом, с помощью которого он пересматривал или анализировал прошлое. Однако нельзя сказать, что его автор перестал размышлять об эпохальных событиях недавнего прошлого, свидетелем и активным участником которых он был. Напротив, списки прочитанного, которые он по привычке продолжил вести и в Китае, свидетельствуют о его повышенном интересе к последним десятилетиям существования старого режима и к революции, впро-

чем, как и у многих его современников-эмигрантов. Теперь у него было больше времени для чтения. К 1924 г. круг прочитанной им литературы пополнился наиболее известными мемуарами и исследованиями того времени, начиная от воспоминаний С.Ю.Витте о правлении трех последних царей до «Записок о революции» Н.Н.Суханова и книги П.Н.Миллюкова «Три попытки». ¹⁶² Пытаясь глубже понять динамику и движущие силы революции в России, он искал исторические параллели во Французской революции, что подтверждают прочитанные им поддожины книг на эту тему, начиная от исследования лидера Французской социалистической партии историка Жана Жореса до Ипполита Тэна, одного из наиболее авторитетных авторов среди умеренных и консервативных современников Вологодского. Чтобы немного поднять свой скромный доход и ориентироваться в потоке новой литературы, Вологодский некоторое время в 1923 году даже сотрудничал в качестве книжного обозревателя в харбинской умеренно-либеральной газете «Русский голос», рецензируя мемуарные публикации о революции и Гражданской войне. ¹⁶³ Одновременно он тщательно следил за всем, что публиковалось о Гражданской войне в Сибири. Дневник содержит многократные упоминания о работах, написанных некоторыми из его бывших коллег.

Сравнительно спокойный период жизни Вологодского в Харбине продолжался почти два года. Тридцать первого мая 1924 г. центральное китайское правительство официально признало Советский Союз, который, в свою очередь, подтверждая существовавшее положение вещей, заявлял об отказе от экстерриториальности и от всех других прав и привилегий, которыми ранее пользовалась Россия и ее подданные в Китае. Кроме того, в отдельном «Соглашении о временном управлении КВЖД», подписанном тогда же в Пекине, железная дорога была объявлена коммерческим предприятием с совместным, на паритетных началах, советско-китайским управлением до того момента, пока Китай не выкупит ее у СССР. ¹⁶⁴ На практике это означало, что назначение всех служащих будет производиться на основе равного представительства граждан СССР и Китайской республики. Иными словами, после вступления в силу майского соглашения на службе на КВЖД могли оставаться только советские и китайские граждане, а тысячи российских подданных, в их числе и Вологодский, оказывались перед неминуемым увольнением в случае их отказа (или отказа им) принять либо китайское, либо советское подданство.

Однако в условиях тогдашней китайской междоусобицы, когда отдельные провинции подчинялись своим местным милитаристам, подписанные центральным правительством в Пекине (чжилийская группировка) соглашения далеко не всегда исполнялись в подконтрольной маршалу Чжан Цзолиню (фэнтяньская группировка) Маньчжурии, отказавшемуся на первых порах признать советско-китайский договор. ¹⁶⁵

Содержание дневника за этот период отражает необычайно напряженную атмосферу Харбина и постоянно циркулировавшие слухи о будущем статусе русских служащих КВЖД. Вологодский, судя по его записям, прекрасно понимал неминуемость скорого соглашения между советскими властями и Чжан Цзолинем и не тешил себя надеждой относительно того,

что сможет после этого удержаться на службе.¹⁶⁶ Отчасти поэтому он стал думать о возможности сохранить свой дневник, который к тому времени несомненно считал своей самой большой драгоценностью. Решение, вероятно, было подсказано публикацией в 1923—1924 гг. в «Архиве русской революции» в Берлине дневника его бывшего коллеги по Омскому правительству барона А.П.Будберга. Приблизительно в июне 1924 г., при поддержке Гинса и вопреки своему прежнему намерению «оставить этот дневник при своей жизни не напечатанным», Вологодский решил «приготовить к печати» часть дневника, которую он считал наиболее ценной в историческом отношении.¹⁶⁷ Для этого он отобрал большинство записей за период с 6 июня 1918 г. по 21 марта 1920 г. и, отредактировав их, убрав из них, по его собственному выражению, «все личное», отдал на перепечатку. В июле 1924 г. он послал отредактированную рукопись, по частям, объемом около 523 страниц И.В.Гессену, издателю «Архива русской революции». Еще одним соображением, подтолкнувшим Вологодского к решению опубликовать дневник, было стремление получить за это хоть какой-нибудь гонорар, чтобы помочь своей семье в случае потери работы. Однако по неизвестным причинам дневник опубликован не был и гонорар, на который Вологодский так рассчитывал, не был уплачен ни ему, ни его семье в дальнейшем.¹⁶⁸

Опасения Вологодского по поводу неминуемого «воцарения большевиков» на КВЖД вскоре оправдались. Советским дипломатам потребовалось почти четыре месяца, чтобы убедить непокорного маньчжурского маршала выполнить условия советско-китайского договора. Двадцать четвертого сентября 1924 г. в Мукдене было подписано отдельное соглашение между СССР и Автономным правительством 3-х Восточных провинций Китайской Республики. В части, касавшейся положения русских служащих КВЖД, это соглашение в основном повторяло все условия предыдущего Пекинского договора.¹⁶⁹ Спустя две недели китайские власти арестовали управляющего КВЖД, русского инженера Б.В.Остроумова, которого сменил советский чиновник А.Н.Иванов. Последний сразу же заявил о своем намерении «почистить» штат железной дороги. Однако из-за протеста китайской стороны официальный указ (известный как «Указ № 94») об увольнении «всех служащих и рабочих дороги, не принявших подданства Китайской республики или СССР», был задержан до апреля 1925 г. и вступил в силу только с 1 июня.¹⁷⁰ Вологодскому и многим его сослуживцам пришлось пережить несколько месяцев в мучительном ожидании. Эта гнетущая атмосфера ожидания и неопределенности отражена на страницах дневника с впечатляющей выразительностью и подробностью. Складывается впечатление, что Вологодский смирился с неизбежным увольнением, покорился судьбе. Он продолжал записывать происходившее вокруг, но делал это как-то отрешенно, как будто события не могли больше повлиять на его положение и материальное будущее его семьи.

Вопрос о принятии советского гражданства для бывшего омского премьер-министра не стоял. Получение же китайского подданства Вологодский поначалу считал для себя неудобным, а когда чуть позже изменил свое отношение и собрался все-таки подать необходимые документы, его ме-

сто в Юридическом отделе было уже отдано китайскому юристу. Четвертого июня 1925 г. Вологодский и около двухсот других русских были уволены с КВЖД.¹⁷¹ От этого последнего в его жизни большого удара Вологодский оправиться уже не смог. Два последующих месяца он еще пытался что-то предпринимать, перебиваясь случайными юридическими консультациями частным лицам, подумывал об открытии с напарником адвокатской конторы в Харбине, даже продолжал делать редкие записи в своем дневнике. Последняя датирована 7 августа 1925 г.

Судя по некоторым стилистическим исправлениям, Вологодский успел просмотреть свои записи за предшествующие этой дате два месяца и тем самым как бы поставить точку своему многолетнему труду. Вскоре, подавленный своим беспомощным положением и не в состоянии прокормить семью, Вологодский заболел тяжелым «нервным расстройством» и 19 октября 1925 г. скончался в больнице Красного Креста для бедных. Похоронили бывшего омского премьера и почетного гражданина Сибири (второго после Г.Н.Потанина) на харбинском Новом кладбище, которое спустя несколько десятилетий китайские коммунистические власти сровняли с землей, разбив на его месте городской парк.¹⁷²

По счастливому стечению обстоятельств и благодаря усилиям вдовы и дочери Вологодского, а также стараниями нескольких поколений библиотекарей и архивистов Гуверовского института создававшийся Вологодским так долго и с такой отдачей исторический документ сохранился до наших дней в том состоянии, в каком оставил его сам Петр Васильевич.

Настоящее издание дневника осуществляется на основе текста семи тетрадей, хранящихся в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира, с учетом всех смысловых расхождений с записями в «Дневнике на 1918», который любезно предоставила нам для этой цели З.П.Попова (Вологодская). Курсивом обозначен текст, не вошедший в гуверовскую копию дневника, но имеющийся в записи за соответствующую дату в «Дневнике на 1918». Коррективы и примечания Вологодского, так же как перевод иностранных слов и пояснения редакторов, приводятся в подстрочнике. Авторская правка, имеющая стилистический характер, не воспроизводится. Текст печатается с сохранением правописания и пунктуации автора. Также сохраняются сделанные автором: двойная датировка (1918 г.), подчеркивания, кавычки, особенности и разноречивость в использовании строчных и прописных букв, в написании некоторых слов, имен и фамилий, географических названий (их правильное написание отмечается в подстрочнике при первом упоминании), старые грамматические формы и названия, присущие эпохе и лично автору. Зачеркнутые автором слова помещаются в подстрочнике. Неразобранные слова отмечаются в угловых скобках сокращением «нрзб.» с указанием количества таких слов (например <1 слово нрзб.>). Недописанные слова дописываются в квадратных скобках. В них же раскрываются общепринятые сокращения, обозначающие титулы, воинские чины, географические термины и тому подобное. Комментарии носят поясняющий характер и ограничены периодом, описываемым в дневнике. Они не претендуют на всестороннее освещение комментируемого объекта и, как правило, содержат библиографическую отсылку. Данная оговорка особенно относится к мало еще изученному «китайскому»

периоду жизни П.В.Вологодского и к происходившим в первой половине 1920-х гг. событиям, связанным с китайской междоусобицей, которые находятся вне компетенции редакторов настоящего издания. Не комментируются также общеизвестные фактические сведения, которые можно почерпнуть из общедоступных справочных изданий.

Выражаем искреннюю благодарность за помощь в подготовке настоящего издания к печати З.П.Поповой (Вологодской) (Castlecrag, Австралия), а также Е.А.Казаковой (Томский государственный университет) за предоставление информации о П.В.Вологодском, перевод англоязычных текстов, подбор иллюстраций, составление указателя географических названий.

Д.Г.Вульф, Н.С.Ларьков, С.М.Ляндрес

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., в частности: Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции 1918–1945: Библиография. Из каталога библиотеки Р.З.И. архива. Нью-Йорк, 1993. Т.1. С.110–148; *Arans D. How We Lost the Civil War: Bibliography of Russian Emigré Memories on the Russian Revolution, 1917–1921*. Newtonville, 1988. P.127–146; Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг. В 4-х т. М., 2003. Т.1,2; 2004. Т.3; 2005. Т.4, ч.1; 2006. Т.4, ч.2; История советского общества в воспоминаниях современников, 1917–1957: Аннотированный указатель мемуарной литературы. М., 1958. С.125–231; Советское общество в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный библиографический указатель книг, публикаций в сборниках и журналах, 1917–1941. М., 1987. Т.1. С.265–288; Тематический указатель литературы по Гражданской войне. Л., 1929; Открытый архив: Справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов (по отечественной периодике и альманахам) 1985–1996. М., 1997; Аннотированный указатель материалов (по томам) // Минувшее. СПб., 1999. Т.25; *Ушаков А.И.* История Гражданской войны в литературе Русского Зарубежья. М., 1993.

² См.: *Emmons T. Got'e and His Diary // Got'e Ju. V. Time of Trouble: The Diary of Iurii Vladimirovich Got'e*. Moscow, July 8, 1917, to July 23, 1922. Princeton, 1988. P.6.

³ Там же. См. также: *Тартаковский А.Г.* 1812 год глазами современников: Русские военные дневники // 1812 год: военные дневники. М., 1990. С.5.

⁴ Среди наиболее значительных исследований, в которых рассматриваются различия между мемуарами и дневниками, см.: *Тартаковский А.Г.* 1812 год глазами современников. С.5–10; *Emmons T. Got'e and His Diary*. С.6–7. См. также: *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв. М., 1991; *Hüttenberger P.* «Tagebücher» // Einführung in die Interpretation historischer Quellen. Paderborn, 1992. S.27–44.

⁵ К их числу относятся: *Будберг А.П.* Дневник // Архив русской революции (Берлин). 1924. Т.XII. С.197–290; Т.XIII. С.197–312; Т.XIV. С.225–341; Т.XV. С.254–345; *Устрялов Н.В.* Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое (СПб.). 1991. Кн.2. С.283–338; *он же.* 1919-й год: Из прошлого // Там же. 1993. Кн.4. С.194–287; *Пенелеев В.Н.* Дневник // Красные зори (Иркутск). 1923. № 4. С.79–90; № 5. С.32–50; Развал колчаковщины (из дневника В.Н.Пепеляева) // Красный архив. 1928. Т.6 (31). С.52–80; *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак, интервенты: Воспоминания. Новониколаевск, 1925. См. также: *Altrichter H.* «Ich bin ein Fremder». Zum Zerfall Russlands in Revolution und Bürgerkrieg // *Historische Zeitschrift*. 1993. Bd.256, heft 3. S.661–688; Фонды русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М., 1999. Наиболее полная библиография современных исследований Гражданской войны на Востоке России содержится в кн.: Литература последних лет по истории Белой Сибири: Библиографический указатель. Кемерово, 1999, а также в работах: *Pereira N.G.O.* White Siberia: The Politics of Civil War. Montreal, 1996; *Smele J.D.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996; *Petroff S.P.* Remembering a Forgotten War: Civil War in Eastern European Russian and Siberia, 1918–1920. Irvington, 2000.

⁶ Например, чрезвычайно ценный дневник А.П.Будберга содержит мало информации о критическом начальном периоде истории Белой Сибири. Присутствие автора в Омске было ограничено шестью месяцами (апрель – октябрь 1919 г.), в течение которых он был непосредственно связан с колчаковским военным министерством. Недавно опубликованные дневниковые записи Н.В.Устрялова, охватывающие период с февраля 1919 г. по январь 1920 г., содержат информацию лишь о пропагандистской сфере колчаковского режима. Особо следует выделить пока не опубликованный дневник одной из ведущих фигур Гражданской войны – генерала Н.Н.Юденича. Он содержит подробные записи за 1919 г. и хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. Значительный интерес представляет также недавно изданный, правда по машинописной копии, а не по более полному и трудно читаемому автографу, «Дневник П.Н.Милокова, 1918–1921» (М., 2004).

⁷ В отличие от более позднего, лучше документированного периода жизни русской диаспоры в Китае (конец 1920-х — 1940-е гг.), все известные редакторам дневника, охватывающие начало 1920-х гг., за исключением дневника П.В.Вологодского, обладают низкой достоверностью.

⁸ В справочнике «Список населенных мест по сведениям 1859 года» (СПб., 1864. Т.51. Енисейская губерния. С.36) под номером 698 значится деревня Курышинская, расположенная в 40 верстах от Канска на р. Тырбыле. В ней тогда насчитывалось 63 двора, 392 жителя мужского пола и 261 — женского. Имелась православная церковь.

⁹ В 1875 г. приход церкви Михаила Архангела с. Краснореченского включал 3321 прихожанина (Адаменко А.М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII — начале XX века. Кемерово, 2004. С.119).

¹⁰ Здесь и далее использованы биографические сведения о П.В.Вологодском, которые содержатся в его автобиографии, составленной в Харбине летом 1924 г. и хранящейся в ЦГИА СПб. (Ф.2297. Оп.1. Д.2); в воспоминаниях «Из истории моей жизни» (Русское обозрение (Пекин). 1920. № 1 (декабрь). С.98-135); в недатированной и незаключенной части его воспоминаний «На распутье», хранящейся в семейном архиве его дочери З.П.Поповой (Вологодской); в личной записной книжке (СА); в официальной биографии председателя Совета министров Временного Всероссийского правительства (Настольный календарь на 1919 год. Томск, 1919. С.81-83); а также в кратком биографическом очерке о П.В.Вологодском новосибирского историка М.В.Шиловского (История «белой» Сибири в лицах. СПб., 1996. С.7-10).

¹¹ *Вологодский П.В.* Из истории моей жизни. С.103-104.

¹² У П.В.Вологодского была младшая сестра Пелагея (Поля). В течение нескольких лет она училась в сельской школе, после смерти отца вместе с матерью переехала в Томск.

¹³ См.: *Вологодский П.В.* Из истории моей жизни. С.114-115. «Сибирская газета», основанная известным сибирским просветителем П.И.Макушиным, издавалась с 1 марта 1881 г. (день убийства Александра II) до августа 1888 г. Будучи первой частной газетой в Томске, она почти сразу же стала здесь наиболее влиятельным изданием. В состав редакции входили ссыльные народники Ф.В.Волховский, С.Л.Чудновский, Д.А.Клеменц. Подробнее см.: «Сибирская газета» в воспоминаниях современников. Томск, 2004.

¹⁴ *Вологодский П.В.* Записная книжка // СА; *он же.* Из истории моей жизни. С.114-117.

¹⁵ *Вологодский П.В.* Записная книжка // СА; *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. Эта книга была издана к празднованию 300-летия присоединения Сибири к России. Подробнее о первых областниках и областничестве см.: *Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX — начала XX вв. Новосибирск, 1995. Вып.1. Областники; Сибирское областничество: Биобиблиографический справочник. Томск-М., 2002.

¹⁶ О сибирском областничестве как о важном течении российской политической мысли см.: *Utechin S.V.* Russian Political Thought: A Concise History. Lnd., 1962. P.151-152. См. также: *Faust W.* Russlands Goldener Boden: Der sibirische Regionalismus in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Köln, 1980; *Allison A.P.* Siberian Regionalism in Revolution and Civil War, 1917-1920 // *Siberica*. 1990. Vol.1, № 1; *Шиловский М.В.* Сибирские областники в 1917 г.: К историографии проблемы // Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999. Т.II. С.88-99; *Гунс Г.К.* Сибирское областничество // Возрождение (Париж). 1950. № 11. С.144-150; *Watrous S.* The Regionalist Conception of Siberia, 1860-1920 // *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture*. N.Y., 1993. P.113-132; *Pereira N.G.O.* The Idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia // *Russian History*. 1993. Vol.20, № 1-4. P.163-178.

¹⁷ См.: *Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX — начала XX вв. Вып.1. Областники. С.45-47.

¹⁸ Там же. С.17,39,53.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф.2297. Оп.1. Д.3. Л.39; *Серебренников И.И.* О сибирских областниках // *Заря (Харбин)*. 1941. 15 июня.

²⁰ *Вологодский П.В.* Из истории моей жизни. С.129.

²¹ До поступления на службу в Томский губернский суд Вологодский в течение короткого времени, с осени 1887 г., жил в Иркутске, где помогал Ядринцеву издавать «Восточное обозрение», которое только что было перенесено туда из Санкт-Петербурга.

²² Письмо П.В.Вологодского ректору Харьковского университета от 24 октября 1891 г. // СА; ЦГИА СПб. Ф.2297. Оп.1. Д.2; *Вологодский П.В.* Записная книжка // СА. В мае 1892 г. он получил диплом второго, а не первого класса. Впоследствии Вологодский пытался оспорить это решение, но его протест не был рассмотрен министром народного просвещения (см.: Официальное уведомление министерства народного просвещения от 17 апреля 1893 г. № 6903 // СА). Диплом второго класса автоматически приводил к получению более низкого чина гражданского служащего. Дело в том, что второй класс соответствовал двенадцатому рангу (губернский секретарь), тогда как первый класс служил основанием для получения десятого (коллежский секретарь) и выше ранга.

²³ *Вологодский П.В.* На распутье // СА. С.35 а. К сожалению, читательские списки Вологодского заканчиваются с его назначением в Омск. Таким образом, утрачен ценный источник, позволяющий проследить эволюцию его взглядов и интересов. «Списки прочитанного» были продлены Вологодским только после того, как он эмигрировал в Китай в 1920 г.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф.2297. Оп.1. Д.2. Л.9 об.; Д.15. Л.3,5.

²⁵ К этому времени он достиг уже чина коллежского секретаря (10-й класс по Табели о рангах) и имел орден св. Станислава 3-й степени.

²⁶ См.: *Казакова Е.А.* Анализ исторических источников с применением междисциплинарного подхода (на примере биографии П.В.Вологодского) // Документ в парадигме междисциплинарного подхода. Томск, 2006. С.277.

²⁷ Томский судебный округ находился в юрисдикции Омской судебной палаты и ее округа.

²⁸ В настоящее время Нечаевская улица носит название «Проспект Фрунзе».

²⁹ Об октябрьских событиях 1905 г. в Томске см.: Томск. История города от основания до наших дней. Томск, 1999. С.171-173. Об участии П.В.Вологодского в судебном разбирательстве по делу о томском погроме см.: Дело о погроме в г. Томске. Отчет о судебном заседании Томского окружного суда. Томск, 1909.

³⁰ *Казакова Е.А.* Документальные материалы Государственного архива Томской области о деятельности П.В.Вологодского в дореволюционный период // Документ в меняющемся мире. Томск, 2004. С.150.

³¹ Там же; *Казакова Е.А.* Петр Васильевич Вологодский (1863-1925) // Томск и томичи в истории российского парламентаризма: Научно-образовательный интернет-проект. Томск, 2006 (<http://tomskhistory.lib.tomsk.ru/parliament>).

³² *Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Новосибирск, 1995. Вып.2. Либералы. С.33. В автобиографии П.В.Вологодский упомянул о том, что вынужден был отказаться от дальнейшей баллотировки в члены 1-й Государственной думы по не названным им «личным мотивам» (ЦГИА СПб. Ф.2297. Оп.1. Д.2).

³³ Донесение Томского жандармского управления от 12 марта 1913 г. с обзором политической деятельности П.В.Вологодского с 1900 г. // СА.

³⁴ Цит. по: *Казакова Е.А.* Документальные материалы... С.150. См. также: *Каминский А.А.* Из истории Марининской группы партии социалистов-революционеров в период Первой русской революции (1905-1907 гг.) // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1980. С.34; *Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Вып.1. Областники. С.77-78. *он же.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Вып.2. Либералы. С.35. Антиправительственная деятельность Вологодского настолько раздражала власть, что томский губернатор распорядился выслать его из Сибири в феврале 1906 г. Однако благодаря связям Вологодского среди местных судебных чиновников это распоряжение вскоре было аннулировано.

³⁵ История «белой» Сибири в лицах. С.6; *Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Вып.1. Областники. С.71-75. В течение этого периода Вологодский входил в Юридическое общество при Томском университете. В 1908 г. он вступил в Общество изучения Сибири, в котором состояли такие впоследствии известные политики, как Н.В.Некрасов, В.И.Анучин, М.А.Кроль, В.М.Круговский (*Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Вып.2. Либералы. С.45-46).

³⁶ См.: Удостоверение об избрании П.В.Вологодского членом Государственной думы от 11 мая 1907 г. // СА. См. также: Томская область: исторический очерк. Томск, 1994. С.208-209. «Список прогрессистов» не имел ничего общего с возникшей несколькими годами позже московской партией прогрессистов и с Прогрессивной группой в 3-й и 4-й Думах. Вторым депутатом, избранным во 2-ю Думу по этому списку, был кадет, профессор Н.Н.Розин. Возможно, частично этим объясняется путаница в исторической литературе относительно партийной принадлежности Вологодского. Его нередко называют кадетом-прогрессистом или просто кадетом, или правым кадетом, или даже монархистом (см.: *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С.103; *он же.* Директория и Колчак // Вопросы истории. 1976. № 10. С.26; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С.112; *Роговцев А.Г.* Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917-1925 годы). Красноярск, 1997. С.151).

³⁷ ЦГИА СПб. Ф.2297. Оп.1. Д.2. Из двадцати депутатов 2-й Думы от Восточной и Западной Сибири только двое из Томска – П.В.Вологодский и И.Ф.Шишкин – не смогли попасть в столицу до роспуска Думы (см.: *Родионов Ю.П.* Сибирские депутаты во II Государственной думе // По страницам российской истории. Омск, 1996. С.50. Подробнее о сибирских депутатах см.: *Кузнецов А.А.* Сибирские депутаты в Государственной думе (1906-1914). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1980).

³⁸ *Гусь Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин, 1921. Т.1. С.105-106. См. также: *Вологодский П.В.* Из истории моей жизни. С.116,129-132.

³⁹ Интервью с председателем Совета министров П.В.Вологодским // Заря (Омск). 1919. 11 янв. См. также: Сибирская жизнь (Томск). 1919. 23 янв.; *Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Вып.1. Областники. С.33; *Вологодский П.В.* Дневник. Запись за 23 марта 1924 г.

⁴⁰ *Швецов С.П.* Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. № 5 (41). С.96; *Тютчев Н.С.* Последние из каракозовцев – Максимилиан Николаев-

⁷¹ Вологодский П.В. Из истории моей жизни. Гл.1. Детство и юность; Гл.2. Университетские годы // Русское обозрение. 1920. № 1 (декабрь) С.98-135. См. также: *Вологодский П.В. Дневник. Запись за 20 декабря 1920 г.; за 19 июня 1921 г.* В семейном архиве хранится также отпечатанный на машинке отрывок из неопубликованной третьей части воспоминаний П.В.Вологодского «На распулье» (конец 1880 — начало 1890-х гг.).

⁷² Об этом также свидетельствуют встречающиеся в дневнике авторские пометы типа: «примечание автора воспоминаний» (см.: *Вологодский П.В. Дневник. Запись за 5 (18) ноября 1918 г.*). Возможно, этим обстоятельством объясняется сделанный в 1924 г. в Харбине анонс о выходе воспоминаний Вологодского о Гражданской войне (*Вологодский П.В. Из хроники антибольшевистского движения в Сибири. Харбин, 1924*). К сожалению, авторам данного предисловия после многих лет поиска в различных библиотеках и архивах не удалось найти какого-либо иного подтверждения факта публикации указанных воспоминаний. Другие историки оказались более удачливыми. Они не только, видимо, имеют в своем распоряжении несуществующие воспоминания, им даже удалось классифицировать их как «авторитарно-бюрократические», поставив в один ряд с воспоминаниями Г.К.Гинса и М.С.Маргулиеса (см.: *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историко-биографические очерки. М., 1998. С.118,148).

⁷³ Небольшое количество этих отрывных памятных листков за сентябрь и октябрь 1918 г. сохранилось среди бумаг Вологодского в ГАРФ (Ф.Р-193. Оп.2. Д.33). Там имеются два вида таких листков, размером 14x20 см. Одни имеют ленточную надпись «Присяжный поверенный Петр Васильевич Вологодский», другие — «Председатель Совета Министров Временного Сибирского правительства».

⁷⁴ К примеру, первоначальные записи в записной книжке Вологодского выглядели следующим образом (ср. их с записями в дневнике от той же даты): «16 (29) июня 1918 [года] в вагон-салоне Омской ветки на [берегу] Иртыша я избран председателем Совета Министров Врем[енного] Сиб[ирского] Прав[ительства]» (СА); или запись в одном из отрывных листков от 19 сентября 1918 г.: «В Ник[ольске] Уссур[ийском] 19 сент[ября]. И.А.Лавров, гор[одской] Голова, пред[седатель] Зем[ской] Упр[авы]. Защита интер[есов] рабочих от пр[авительства] Хорвата и самовласт[ия] союзников. Призн[ание] Лавровым Сиб[ирского] пр[авительства] единств[енно] правомоч[ным]» (ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.33. Л.2 об.). См. также: *Вологодский П.В. Дневник. Записи от 4 февраля и 15 апреля 1919 г.*

⁷⁵ См.: *Вологодский П.В. От автора дневника. 1924. 1 июля. [Харбин] // СА. На публикацию фрагмента дневника в «Архиве русской революции» Вологодский решился из-за крайней нужды, надеясь оставить семье хоть какие-нибудь средства в случае потери им места на КВЖД (слухи о предстоящих увольнениях ходили по Харбину с мая 1924 г.). Летом 1924 г. он отобрал часть своих записей за 6 июня 1918 г. — 21 марта 1920 г., отдал их в перепечатку, а затем, при посредничестве Г.К.Гинса, отправил И.В.Гессену в Берлин. Однако подготовленный Вологодским фрагмент (523 машинописных листа) опубликован не был и впоследствии, вместе с другими материалами «Архива русской революции», был передан в Русский заграничный исторический архив в Праге, а после Второй мировой войны оказался в Москве. Сейчас хранится в ГАРФ (Ф.Р-5881. Оп.2. Д.773). Часть подготовленной Вологодским машинописи (с 18 ноября 1918 г. по 23 ноября 1919 г., объемом в 187 листов) была в 1995 г. опубликована в сборнике «Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов» (М., 1995. С.121-252). Но это издание осуществлено вопреки элементарным правилам научной публикации документов: без учета текстовых расхождений различных версий дневника, а также без какого-либо текстового и адекватного исторического комментария. То же самое можно сказать и о недавней публикации хранящегося в ГАРФ фрагмента дневника, предпринятой А.В.Квакиным (За спиной Колчака: Документы и материалы. М., 2005. С.47-302).*

⁷⁶ Все эти изменения, сделанные Вологодским, учтены в настоящей публикации.

⁷⁷ Вдова Вологодского, Софья Ивановна (урожденная Герасимчик), продала эти семь тетрадей в 1933 г. за 700 долларов в Гуверовскую библиотеку (см.: З.П.Попова (Вологодской) — С.М.Ляндресу, 17 июля 1992 г. // Архив С.М.Ляндреса; Н.Н.Fisher — R.Smith, August, 31, 1933 // Hoover Institution Internal Records. Box. 43 V). «Дневник на 1918» и другие документы из семейного архива, хранящиеся у З.П.Поповой (Вологодской), любезно были предоставлены авторам в течение 1994-1997 гг. Примечательно, что в феврале 1933 г. Г.К.Гинс, проживавший тогда в Харбине, предложил «Дневник на 1918» вместе с автобиографическими материалами и некоторыми документами Уфимской директории, а также Омского правительства, принадлежавшими Вологодскому, в Гуверовскую библиотеку, действуя через Роберта Смита — американца, собиравшего исторические документы для Гуверовской библиотеки в Китае. Однако по финансовым причинам библиотека оказалась не в состоянии приобрести коллекцию Вологодского (см.: Hoover Institution Internal Records. Correspondence, 1933-1934. Box. 43 V; G.K.Guins papers. HIA. Box 1; R.Smith papers. HIA. Box 1. File 1).

⁷⁸ *Вологодский П.В. Дневник. Запись за 4 июля 1924 г.* В то же время Вологодский прекрасно видел недостаток выбранного им стиля изложения записей.

⁷⁹ Например, П.В.Вологодский упоминает свою жену только несколько раз и только как «София». То же самое можно сказать относительно его сестры «Поли» (Пелагеи) и его единствен-

ной дочери «Зины» (Зинаиды). Он не приводит никакого справочного материала о ком-либо из них. Не упоминается даже добровольная работа Сони с ранеными солдатами Сибирской (Белой) армии в Омске в 1918-1919 гг. (О работе С.И.Вологодской в Омске см.: Заря. 1919. 2 апр.).

⁸⁰ Официально П.В.Вологодский ушел в отставку с поста председателя Омской судебной палаты только 1 июля 1918 г., так как был назначен председателем Совета министров Временного Сибирского правительства (Указ ВСП по ведомству министерства юстиции от 15 июля 1918 // СА).

⁸¹ Членами ЗСК были эсеры П.Я.Михайлов, Б.Д.Марков, М.Я.Линдберг и В.О.Сидоров.

⁸² Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.): Документы и материалы. Владивосток, 1997. С.158-175; *Smele J.D. Civil War in Siberia*. P.29.

⁸³ Подробнее см.: *Ларьков Н.С. Антибольшевистский переворот в Сибири...* С.28; *он же. О роли «Потанинского кружка» в консолидации антибольшевистских сил в Сибири // История белой Сибири. Кемерово, 2005.С.206-211.*

⁸⁴ *Вологодский П.В. Дневник. Запись за 16 (29) июня 1918 г.*

⁸⁵ *Pereira N.G.O. White Siberia: The Politics of Civil War*. P.67-70.

⁸⁶ О процессе кадетизации см.: *Перейра Н. Областничество и государственность в Сибири во время гражданской войны // Гражданская война: перекресток мнений. М., 1994. С.209; он же. Омск: гражданская война и политика антибольшевизма // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996. С.319.*

⁸⁷ *Тунц Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т.1. С.102.*

⁸⁸ *Allison A.P. Op. cit. P.86.*

⁸⁹ Омский вестник. 1918. 7 авг.

⁹⁰ *Khrabroff N. Providence or Chance? Reminiscences // N.Khrabroff papers. НИА. Вых.1. См. также: Перейра Н. Омск: гражданская война и политика антибольшевизма. С.316-317; он же. White Siberia: The Politics of Civil War. P.57.*

⁹¹ *Allison A.P. Op. cit. P.86.*

⁹² *Pereira N.G.O. White Siberia: The Politics of Civil War. P.76.* «Клоакой политических интриг и игры тщеславных самолюбий» называла тогда Омск новониколаевская газета «Народная Сибирь» в номере от 7 ноября 1918 г.

⁹³ Н.Перейра, очевидно, имел возможность использовать только небольшую часть дневника, переведенного Еленой Варнек. Д.Смил упоминает дневник Вологодского только в ссылке на отрывок, цитируемый в воспоминаниях П.Доценко (см.: *Pereira N.G.O. White Siberia: The Politics of Civil War. P.223; Dotsenko P. The Struggle for a Democracy in Siberia: An Eye-Witness Account of a Contemporary, 1917-1920. Stanford, 1983. P.40; Smele J.D. Civil War in Siberia. P.33. Note 53*). См. также наше примечание к записи дневника от 25 декабря 1918 г. В монографии Г.З.Иоффе содержится 8 ссылок и цитат из той части дневника, которая хранится в ГАРФ (см.: *Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С.70-71, 88, 132, 170, 211, 230, 231, 245*). Данные дневника, охватывающие годы, прожитые Вологодским в Китае, послужили основным источником в интересной кандидатской диссертации Н.Н.Аблажей «Эмиграция из восточных районов России в 1920–1930-е гг» (Новосибирск, 1997).

⁹⁴ *Smele J.D. Civil War in Siberia. P.140-141; Zayer Rupp S. Conflict and Crippled Compromise: Civil War Politics in the East and the Ufa State Conference // Russian Review. 1997. Vol.56, № 2. P.252. См. также: Тунц Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т.2. С.140.*

⁹⁵ См. ее очень информативные исследования: *Zayer Rupp S. Conflict and Crippled Compromise. P.252; idem. The Struggle in the East. P.47-149.*

⁹⁶ *Pereira N.G.O. White Siberia: The Politics of Civil War. P.76. См. также: История «белой» Сибири в лицах. С.8-9.*

⁹⁷ Цит. по: История «белой» Сибири в лицах. С.10. Подобную характеристику Вологодского см.: *Серебrennikov И.И. О сибирских областниках // Заря. 1941. 15 июня; Н.Н.Козьмин – И.И.Серебrennikov, 15 марта 1922 г. // I.I.Serebrennikov papers. НИА. Вых. 6.*

⁹⁸ См.: *Pereira N.G.O. White Siberia: The Politics of Civil War. P.77; он же. Областничество и государственность...* С.211.

⁹⁹ Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь – ноябрь 1918 г.). Томск, 1998. Вып.1. С.51-52.

¹⁰⁰ См.: *Pereira N.G.O. White Siberia: The Politics of Civil War. P.74; Katzer N. Op. cit. S.188-189.*

¹⁰¹ Подробнее об экономической политике ВСП см.: *Berk S.M. The Coup d'Etat of Admiral Kolchak: The Counterrevolution in Siberia and East Russia, 1917-1918. Ph.D. dissertation. Columbia University. N.Y., 1971. P.207-209; Zayer Rupp S. The Struggle in the East. P.147-149.*

¹⁰² Русский посол в Париже В.А.Махлаков сообщал о подобных настроениях и во Франции (ГАРФ. Ф.Р-6851. Оп.1. Д.3. Л.367. См. также: *Smele J.D. Civil War in Siberia. P.38; Тунц Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т.2. С.50*).

¹⁰³ Подробнее об этих событиях см.: *Лившиц С.Г. Политика Японии в Сибири в 1918-1920 гг. Барнаул, 1991. С.21-23.*

¹⁰⁴ Трудовая Сибирь (Омск). 1918. 29 сент.

¹⁰⁵ См.: *Лившиц С.Г. Временное Сибирское правительство...* С.104. См. также: *Smele J.D. Civil War in Siberia. P.39.*

- ¹⁰⁶ См.: *Шиловский М.В.* Сибирская областная дума (август – ноябрь 1918 г.) // История «белой» Сибири. Кемерово, 1995. С.23-26.
- ¹⁰⁷ *Серебрянников И.И.* Мои воспоминания. Т.1. С.173-179; *он же.* К истории Сибирского правительства // Сибирский архив (Прага). 1929. Т.1. С.11. См. также: *Болдырев В.Г.* Указ. соч. С.35-48; Уфимское совещание и Временное Сибирское правительство // Красный архив. 1933. Т.61. С.70-71. Возможно также, что уклончивая позиция некоторых иностранных представителей во Владивостоке по отношению к действиям П.В.Вологодского, направленным на создание сибирского антибольшевистского движения, ослабляла омскую делегацию в принятии решений (см.: *Abrikossov D.I.* Revelations of a Russian Diplomat. The Memoirs of Dmitrii I. Abrikossov. Seattle, 1964. P.285).
- ¹⁰⁸ В Директорию также входили два умеренных эсера (Н.Д.Авксентьев и В.М.Зензинов), кадет В.А.Виноградов и член Союза возрождения генерал В.Г.Болдырев.
- ¹⁰⁹ *Вологодский П.В.* Дневник. Запись за 9 октября 1918 г.
- ¹¹⁰ *Шиловский М.В.* Временное Всероссийское правительство (Директория): 23 сентября – 18 ноября 1918 г. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII – XX вв.): Бахрушинские чтения 1998 г. Новосибирск, 2001. С.92-94. См. также: *Pereira N.G.O.* White Siberia: The Politics of Civil War. P.97-98.
- ¹¹¹ История «белой» Сибири в лицах. С.8.
- ¹¹² Заря. 1919. 11 янв.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ *Шишкин В.И.* Колчаковская диктатура: истоки и причины краха // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С.7-11. О колчаковском режиме и причинах его краха см. также монографии Н.Перейры и Д.Смила.
- ¹¹⁵ *Smele J.D.* Civil War in Siberia. P.143.
- ¹¹⁶ Генерал К.В.Сахаров в своих воспоминаниях отмечал, что он однажды спросил у Колчака, почему тот оставил такого старого и пассивного либерала, как Вологодский, на что адмирал ответил: «Он уже стар и от всех дел отошел... Но понимаете, он здесь необходим как "le vieux drapeau" [старое знамя]» (*Сахаров К.В.* Белая Сибирь: внутренняя война. 1918-1920 гг. Мюнхен, 1923. С.89; *Smele J.D.* Civil War in Siberia. P.143). Барон А.П.Будберг, чья антипатия к Вологодскому хорошо известна, подтверждал такое же отношение к «старому либералу» со стороны некоторых высокопоставленных представителей режима Колчака. Будберг писал, что Вологодскому было позволено находиться на таком ответственном посту «как какой-то драгоценной реликвии... уверяя, что в его имени и личности кроется прочный залог демократического правительства и уверенности союзников и общественного мнения всего Запада в демократичности омской власти» (*Будберг А.П.* Дневник // Архив русской революции. Т.XIV. С.300).
- ¹¹⁷ См.: *Шиловский М.В.* К вопросу о политической оценке государственного переворота 18 ноября 1918 г. в г. Омске // Сибирь: XX век. Кемерово, 1997. Вып.1. С.51. Без каких-либо серьезных обоснований уральский историк И.Ф.Плотников утверждает, что Вологодский не только знал о предстоящем перевороте, но и одобрил его (см.: *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность (биография, документы, материалы, комментарии, приложения с иллюстрациями) // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 1996. № 2. С.98. По умозрительному предположению А.Н.Никитина, Вологодский был якобы даже участником заговора (см.: *Никитин А.Н.* Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М., 2004. С.68. Прим.112). О более ранних утверждениях советских историков, что будто бы Вологодский являлся одним из организаторов переворота, см.: *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств... С.103. Критический анализ некоторых мемуаров, обвинявших сибирского премьер-министра в соучастии в перевороте, см.: *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Белград, 1930. Ч.II. С.131-133.
- ¹¹⁸ Заря. 1919. 11 янв.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ ГАРФ. Ф.Р.-193. Оп.1. Д.5. Л.190.
- ¹²¹ *Pereira N.G.O.* White Siberia: The Politics of Civil War. P.107. «Küchenkabinet» включал И.И.Сыкина, Г.Г.Тельберга и генерала Д.А.Лебедева.
- ¹²² *Некрасова Л.В.* Российское правительство адмирала А.В. Колчака (18 ноября 1918 г. – 4 января 1920 г.) // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С.15-19.
- ¹²³ *Smele J.D.* Civil War in Siberia. P.140-141.
- ¹²⁴ Голос народа (Томск). 1918. 8 дек.
- ¹²⁵ Цит. по: *Звягин С.П.* Привлечение колчаковской армии к наведению порядка в тылу: опыт и уроки // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 1995. С.93.
- ¹²⁶ *Вологодский П.В.* Дневник. Запись за 24 июня 1919 г.
- ¹²⁷ См.: *Дмитриев Н.И.* Чрезвычайное государственное экономическое совещание: как это было // Белая армия. Белое дело. 1996. № 1. С.18-84; *он же.* Экономическая политика правительства адмирала А.В.Колчака и ее реализация // Сибирь в период Гражданской войны. С.18-51; *он же.* О возрождении торгово-промышленных организаций на Востоке России в 1918-1919 годах // Деловая Россия: история и современность. СПб., 1996. С.94-95; *Smele J.D.* Civil War in Siberia. P.508.

¹²⁸ См.: *Дмитриев Н.И.* Налоговая политика белогвардейских правительств на территории Сибири // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея. 1996. № 4. С.214-215; *Рышков В.М.* Налоговая политика контрреволюционных правительств Сибири (июнь 1918 – 1919 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып.1. С.88-90.

¹²⁹ См.: *Дмитриев Н.И.* Чрезвычайное государственное экономическое совещание: как это было. С.66; *он же.* К вопросу о состоянии экономики азиатской России к середине 1918 г. // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории. Хабаровск, 1993. С.131-135; *Долгов Л.Н.* Экономические проблемы Гражданской войны на Дальнем Востоке России в политике «белых» и «красных»: особенное и общее // Там же. С.174-177.

¹³⁰ См. интервью Вологодского газете «Заря» от 1 апреля 1919 г.

¹³¹ Там же. Подробнее об аграрной политике омского правительства см.: *Гордеев О.Ф.* Аграрная политика колчаковского правительства // XX век: Исторический опыт аграрного освоения Сибири. Красноярск, 1993. С.131-135; *Лончаков Ю.Г.* Аграрная политика антисоветских правительств в Омске и изменение государственного статуса Сибири в ноябре 1918 г. // Сибирь – мой край: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С.199-210.

¹³² *Ларьков Н.С.* Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917 – 1918 гг. Дис. ... докт. ист. наук. Томск, 1996. С.413-437; *Кириянова Е.А.* К вопросу об аграрной политике белогвардейского правительства А.В.Колчака // Гражданская война в России. СПб., 1998. С.124-126; *Звягин С.П.* Барон Бундберг о правопорядке на территории Сибири при А.В.Колчаке // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 1996. Вып.2, ч.2. С.45-46; *Рышков В.М.* Место и роль реквизиций в экономической политике антибольшевистских правительств Сибири // История белой Сибири. Кемерово, 2003. С.284-288. См. также: *Бернштам М.С.* Смысл коммунистического уничтожения народов // Новый журнал (Нью-Йорк). 1981. № 143. С.168-171.

¹³³ M.N.Giers papers. НИА. Вох 1. Дипломатическая корреспонденция, содержащая подписи Вологодского и другие свидетельства его активного участия в формировании и наблюдениях за иностранной политикой правительства. хранится также: M.N.Giers papers. НИА. Вох 1-4,41; Coll. Russia. Posol'stvo (France). НИА. Вох 12; Coll. Russia. Missiia (Greece). НИА. Вох 13; P.N.Vrangal papers. НИА. Вох 42; ГАРФ. Ф.Р-200 (Министерство иностранных дел Временного Российского правительства).

¹³⁴ Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Док. и материалы. Владивосток, 1995. С.75.

¹³⁵ См., например, письма министра внутренних дел С.Д.Сазонова, отправленные из Парижа в марте 1919 г., но доставленные в Омск только в июне и июле 1919 г. (Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Вып.3. С.19-33. См. также: ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.16. Л.59-67,96-99).

¹³⁶ См.: *Фоминых С.Ф.* Колчак и союзники (к проблеме признания Колчака в 1919 г.) // История «белой» Сибири. Кемерово, 1995. С.34-38.

¹³⁷ *Шиловский М.В.* Временное Всероссийское правительство (Директория). С.87.

¹³⁸ См. интервью Вологодского в «Сибирской жизни» от 29 апреля 1919 г.

¹³⁹ ЦГИА СПб. Ф.2297. Оп.1. Д.10. Как утверждает Д.Смил, Верховный правитель согласился на отставку Вологодского еще 31 октября 1919 г., но официальный приказ был издан три недели спустя, 22 ноября (*Smele J.D.* Civil War in Siberia. P.576. См. также: *Вологодский П.В.* Дневник. Запись за 25 ноября 1919 г.).

¹⁴⁰ Неподчинение и непомерные амбиции атаманов были важной причиной окончательного подрыва уже ослабшего колчаковского режима (см.: *Katzer N.* Op. cit. S.213-215; *Pereira N.G.O.* White Siberia: The Politics of Civil War. P.110-111). Атаманщина была печальной действительностью Гражданской войны не только в Сибири и на Дальнем Востоке, но и на Юге России (см.: *Бровкин В.Н.* Россия в Гражданской войне: гражданская власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5. С.30; *Хильдербрайер М.* Цена победы: гражданская война и ее последствия // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С.310; *Звягин С.П.* Государственное управление при А.В.Колчаке в оценке западной историографии // Россия 20-х годов уходящего столетия. СПб., 1994. С.16-17; *Цветков В.Ж.* «Белое» движение в России, 1917-1922 годы // Вопросы истории. 2000. № 7. С.62-63).

¹⁴¹ *Вологодский П.В.* Дневник. Запись за 25 ноября 1919 г.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ *Серебренникова А.Н.* Воспоминания // I.I.Serebrennikov papers. НИА. Вох 1. С.3.

¹⁴⁴ *Вологодский П.В.* Дневник. Запись за 18 декабря 1919 г.

¹⁴⁵ Об основании Харбина и истории русской общины в Маньчжурии до 1917 г. см.: *Quested R.K.I.* «Matey» Imperialists? The Tsarist Russians in Manchuria, 1895-1917. Hong Kong, 1982; *Bakich O.* Origins of the Russian Community on the Chinese Eastern Railway // Canadian Slavonic Papers. 1985. Vol.27, № 1. P.1-14; *idem.* A Russian City in China: Harbin before 1917 // Ibid. 1986. Vol.28, № 2. P.129-148; *Glaefelder E.R.* Russia, the Soviet Union and the Chinese Eastern Railway // Railway Imperialism. N.Y., 1991. P.138-154, и особенно последнюю монографию Д.Вульфа (*Wolff D.* To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898-1914. Stanford, 1999).

¹⁴⁶ С тех пор как в Китае была проведена неофициальная национальная перепись населения между 1910 и 1920 гг., более точные сведения о численности населения и этническом составе Харбина отсутствуют. По данным Китайской почтовой службы за 1922 г., приблизительная численность

жителей Харбина составляла 306203 человек (The China Year Book, 1924-1925. Tientsin, 1925. P.13). Московский историк Г.В.Мелихов, чья оценка представляется наиболее точной, утверждает, что на 1 января 1921 г. в одном только Харбине проживало 165857 русских, а во всей зоне КВЖД (включая Харбин) – 288225. В мае 1922 г. количество русских в Харбине, без учета некоторых округов, о которых нет сведений, по оценочным данным составляло 185042. В 1923 г. русское население зоны КВЖД (включая Харбин) насчитывало почти 400000 человек (*Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.). М., 1997. С.57-58). См. также: *Дубинина Н.И., Ципкин Ю.Н.* Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (на материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // Отечественная история. 1996. № 1. С.71-72; *Аблажей Н.Н.* Эмиграция из восточных районов России... С.50-61, 191-192; *Жао Лянлунь.* Краткий очерк о русских эмигрантах, проживавших в Харбине с 1917 по 1932 г. // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Хабаровск, 1998. С.286-287; *Лазарева С.И.* Проблема адаптации российской эмиграции в Китае (20-е – середина 40-х годов XX века) // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С.179-181; 100-летие города Харбина и КВЖД. Новосибирск, 1998; *Василенко Н.А.* Российская эмиграция в Китае в 1918-1924 гг. (по китайским публикациям) // История Белой Сибири. Кемерово, 2003. С.253-257.

¹⁴⁷ См., например: *Bakich O.* A Russian City in China. P.143; *Василенко Н.А.* Кто строил КВЖД: о численном и национальном составе населения КВЖД в 1897-1917 гг. // Гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). 1995. Вып.8, № 2. С.66-71.

¹⁴⁸ См.: *Bakich O.* A Russian City in China. P.146-148; *idem.* Russian Education in Harbin, 1898-1962 // Записки Русской академической группы в США. 1994. Вып. XXVI. P.269-294; *idem.* Charbin: «Russland jenseits der Grenzen» in Fernost // Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994. S.304-328. См. также: *Серебренников И.И.* Мои воспоминания. Тяньцзинь, 1940. Т. II. В эмиграции (1920-1924); *Ясько Т.Н.* Русский театр в Харбине // Годы, люди, судьбы: история российской эмиграции в Китае. М., 1998. С.88-89; Русский Харбин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005; *Петров В.* Город на Сунгари. Washington, 1984; *Печерица В.Ф.* Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток, 1999; Политехник: Юб. сб., 1969-1979 (Сильней). 1979. № 10. С.75-243; *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния. Владивосток, 2000. Ч.1. Русские в Китае. С.32-175.

¹⁴⁹ Русский образ жизни, обычаи и система управления также распространялись и на колонии КВЖД, которые простирались в трех направлениях на сотни километров вдоль ее дорог (см.: *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае... С.8,56-89; Город Харбин. Справочник. Владивосток, 1995. С.3-11; *Сергеев О.И., Лазарева С.И.* Самоуправление в Харбине (1907-1926 гг.) // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая. С.51-54.

¹⁵⁰ *Qvested R.K.I.* «Mateys» Imperialists? P.3. См. также: *Wolff D.* Op. cit. P.8.

¹⁵¹ *Дубинина Н.И., Ципкин Ю.Н.* Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции... С.72-73; *Лазарева С.И.* Проблема адаптации российской эмиграции в Китае... С.170-181.

¹⁵² См.: *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае... С.89-92; The Tientsin Annual. 1919-1920. A Record of Municipal, Legal, Sporting, Commercial, Personal, and other Events for the Year October 1st., 1919 to September 30th, 1920. Tientsin, n.d.

¹⁵³ В мае 1920 г. в Омске состоялся суд над бывшими высокопоставленными колчаковскими деятелями. На скамье подсудимых оказались свыше двадцати человек. Четверо из них были приговорены к расстрелу, большинство остальных – к различным срокам лишения свободы. Подробнее см.: Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003.

¹⁵⁴ Чрезвычайные трудности, встававшие в это время перед русскими эмигрантами, включая юристов, в поисках работы в Китае описаны И.И.Серебренниковым и М.А.Кролем (см.: *Серебренников И.И.* Мои воспоминания. Т. II. С.17-66, 171-214; *Серебренникова А.Н.* Дневник. В Харбине, 19 марта – 8 апреля 1920 г. // И.И.Серебренников papers. НИА. Box 1; *Кроль М.А.* Страницы из моей жизни. Воспоминания. Ч.2 // ИИШ. Coll. M.A.Krol'. Folder 1. С.304-305. См. также: *Аблажей Н.Н.* Эмиграция из восточных районов России... С.50-77, 110-115.

¹⁵⁵ The China Year Book, 1921-1922. Tientsin, 1922. P.626.

¹⁵⁶ См.: *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае... С.79-97; *Fishel W.R.* The End of Extraterritoriality in China. Berkeley, 1952. P.43-50.

¹⁵⁷ См.: Весь Харбин на 1923 год. Адресная и справочная книга гор. Харбина. Харбин, б.г. С.58-60; *Аблажей Н.Н.* Эмиграция из восточных районов России... С.73-75; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае... С.90-93.

¹⁵⁸ *Серебренников И.И.* Мои воспоминания. Т. II. С.105.

¹⁵⁹ *Вологодский П.В.* Дневник. Запись за 2 апреля 1922 г. Некоторые бывшие коллеги Вологодского по Омскому правительству сумели найти хорошо оплачиваемую работу в администрации КВЖД. В частности, Г.К.Гинс возглавил канцелярию Правления, а впоследствии продвинулся до должности главного контролера КВЖД.

¹⁶⁰ Второго октября 1920 г. китайское правительство и Русско-Азиатский банк (теперь находящийся в Париже) подписали соглашение, которое дополняло соглашение 1897 г. о строительстве и эксплуатации КВЖД. Согласно новым условиям, китайская сторона получала большинство

должностей в правлении КВЖД и фактически полностью подчинила управление. Полный текст соглашения 1920 г. см.: *Весь Харбин на 1923 г. Приложение 3; The China Year Book, 1921-1922*. См. также: *Watson D.R. The Rise and Fall of the Russo-Asiatic Bank. Problems of a Russian Enterprise with French Shareholders, 1910-1926 // European History Quarterly. 1993. Vol.23, № 1. P.39-49.*

¹⁶¹ О сложных проблемах китайской политики начала 1920-х гг. см.: *Nathan A.J. Peking Politics, 1918-1923. Factionalism and the Failure of Constitutionalism. Berkeley, 1976; Sheridan J.E. China in Disintegration: The Republican Era in Chinese History, 1912-1949. Lnd., 1975; idem. Chinese Warlord: The Career of Feng Yu-hsiang. Stanford, 1966; McCormack G. Chang Tso-lin in Northeast China, 1911-1928. Stanford, 1977; История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Владивосток, 1989. Т.2. Северо-Восточный Китай, 1917-1949 гг.; Жуков В.В. Китайский милитаризм, 10–20-е годы XX века. М., 1988.*

¹⁶² *Bumte C.Ю.* Воспоминания. Берлин, 1922-1923. Т.1-3; *Суханов Н.Н.* Записки о революции в 7-ми т. Берлин, 1922-1923. Т.1-7; *Милюков П.Н.* Три попытки: К истории русского лжеконституционализма. Париж, 1921.

¹⁶³ П.В.Вологодский — А.Н.Серебренниковой, 25 февраля 1924 г. // I.I.Serebrennikov papers. HIA. Box 8.

¹⁶⁴ См.: Советско-китайские отношения, 1917-1957: Сб. док. М., 1959. С.84. *Сон До Чжин.* Советско-китайский дипломатический конфликт вокруг КВЖД (1917-1931 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С.41-202; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае... С.196-197. См. также: *Elleman V.A. Diplomacy and Deception. The Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917-1927. N.Y., 1997. P.180-181.*

¹⁶⁵ *Сон До Чжин.* Указ. соч. С.209.

¹⁶⁶ См. комментарий к записи в дневнике от 4 июля 1924 г.

¹⁶⁷ *Вологодский П.В.* От автора дневника. 1924. 1 июля. [Харбин] // СА; он же. Дневник. Запись от 4 июля 1924 г.

¹⁶⁸ Спустя несколько месяцев после смерти П.В.Вологодского И.В.Гессен отправил письмо Г.К.Гинсу в Харбин, в котором сообщал, что дневник не был опубликован и гонорар не был выплачен (И.В.Гессен — Г.К.Гинсу, 24 ноября 1925 г. // СА).

¹⁶⁹ *Сон До Чжин.* Указ. соч. С.216; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае... С.196-197.

¹⁷⁰ Цит. по: *Сон До Чжин.* Указ. соч. С.230-232. См. также: *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае... С.198-200.

¹⁷¹ *Сон До Чжин.* Указ. соч. С.232; *Вологодский П.В.* Дневник. Запись за 10 июня 1925 г.

¹⁷² Памяти П.В.Вологодского // Русский голос (Харбин). 1925. 25 окт.; З.П.Попова — С.М.Ляндресу, 17 июня 1992 г. // Архив С.М.Ляндреса; *Серебренников И.И.* О сибирских областниках // Заря. 1941. 15 июня.